

СЕВИНДЖ НУРУГЫЗЫ

Мелисса

повесть

Перевод Эльшады АЗИЗОВОЙ

Эта тряпичная кукла, о которой я собираюсь рассказывать, прилетела откуда-то издалека. Но вот откуда именно, она и сама не знала. Знала лишь то, что прилетела из очень далёких краёв, потому что, когда их погружали в самолёт, из тысяч кукол лишь она, высунув наружу голову, покрытую густыми, похожими на розовую ковровую бахромку, волосами, смогла осмотреться по сторонам. И тут же съежилась от холода:

– Снег выпал. Очень холодно...

Так, все еще дрожа от холода, она вновь просунула через щель голову с розовыми волосами внутрь. Ей стало понятно, что раз сели в самолет, значит, будут лететь куда-то очень далеко. Самолет летел очень долго. Потом была посадка. И вновь эта тряпичная кукла, высунув свою голову с мягкими, шелковистыми розовыми волосами через ту же щель наружу, произнесла:

– Солнце светит, и снега нет. Все кругом зеленое-зеленое.

Потом куклы, толкая друг дружку, затараторили:

– Жарко... Отойди, не прикасайся ко мне. Дай взглянуть.

Потом их доставили в самые лучшие магазины этой солнечной страны. Каждый ребенок, проходя мимо этой куклы с розовыми волосами, выбирал другую, а она осталась...

Но однажды кукла, ухватившись за железные прутья сетчатой корзинки, в которой она уже несколько дней жила, с тоской взирала на проходивших мимо нее посетителей. И вдруг она увидела, как перед ней остановилась девочка с большими лучистыми глазами. Девочка уставилась на нее.

– Папочка, смотри, какая она красивая... – воскликнула она, указывая на куклу с розовыми волосами.

От этих слов кукла была так растрогана, что ее ручки невольно оторвались от железных прутьев и она кубарем скатилась прямо на дно корзинки, опрокинувшись вверх тормашками. Девочка своими маленькими ручонками подняла ее со дна корзинки и, поглаживая ее по головке, показала отцу:

– Папочка, ну, пожалуйста, купи мне ее...

При этих словах отец девочки улыбнулся... Девочка несла ее – эту куклу с розовыми волосами, на своих ручках. С наклейки на кукле она прочитала ее имя – Мелисса... Вот уже сколько лет они были вместе. Девочка выросла. А Мелисса, наоборот, чуть обветшала, стала потрепанней, как-то уменьшилась. Теперь все, кто видел ее в руках девочки, смеялись:

– Откуда ты ее нашла? Уж совсем ветхая...

Слыша такие слова, Мелисса огорчалась, а девочка, еще сильнее прижимая ее к груди, говорила:

– Куклы никогда не дряхлеют. Мелисса совсем новая. И красивая. Она самая лучшая кукла на свете...

Но это вовсе не конец сказке о кукле с розовыми волосами. А конец очень печальный.

Однажды Мелисса, сидя на перилах балкона, как обычно, ждала свою подругу. Лучи солнца играли ее розовыми волосами. Потом откуда-то появился мальчик. Он подошел к перилам. Бросив взгляд на балкон, заметил Мелиссу. При виде Мелиссы он не удержался от смеха:

– Ха, ха, ха... Какая дряхлая...

Потом, ухватившись за розовые волосы Мелиссы, он начал с силой вертеть ее. Мелисса шлепнулась в пыльный угол двора. Мальчик подошел к ней. Подняв ее за волосы, он вновь взглянул на нее:

– Фу, какая ты противная... – произнес он и начал ногами швырять ее в разные стороны по двору. Розовые волосы Мелиссы стали совершенно черными... Ее всегда улыбающиеся глаза были забиты пылью... Вдруг солнце исчезло, скрывшись за черными тучами. Потом начал накрапывать дождь. Убегая от дождя, мальчик, подбрасывая ногами Мелиссу, выбросил ее со двора на улицу...

А девочка все еще искала ее. Даже в интервью одной газете она так сказала корреспонденту: «У меня была одна кукла. Ее звали Мелисса. Я ее сильно любила...»

При этих словах на ее глаза навернулись слезы...

Вот так... Мой друг, наверное, я еще долго буду корить себя за то, что написала это произведение – «Мелиссу». И знаешь, за что? За то, что, описывая жизнь этой куклы, я невольно опечалила тебя. Но мне хотелось этим произведением показать тебе невидимые тебе стороны жизни. Я рассказала тебе некоторые эпизоды из жизни твоих ровесников – девочек и мальчиков, живущих в разных условиях. Мне хотелось показать тебе, что на этой планете под названием Земля вовсе не все бывают счастливы...

Именно с этого момента и начались все невзгоды в жизни Мелиссы. Да-да, ты правильно слышишь, все невзгоды... Как бывает и в жизни людей, в жизни у розововолосой куклы Мелиссы также голод, жажда, слезы и страдания не переставая сменяли друг друга. Возможно, что Мелисса очень спокойно смогла бы вынести все это, если бы рядом с ней находилась ее черноглазая хозяйка Зохра, длинные ресницы которой доходили аж до самых ее щек... Мелисса, выброшенная бездушным мальчиком пинками со двора на улицу, сильно тосковала...

Тучи, глядя на невзгоды бедной куклы, заливались слезами. Они плакали о судьбе Мелиссы, потерявшей свою подругу и теплое жилище. Так, по меньшей мере, думала Мелисса. От падающих на нее капель дождя она отяжелела. Вата, которой было набито ее тряпичное тело, намокнув, прибила ее к асфальту. Чуть-чуть продрогла. Все тело ее было пропитано водой...

К тому же она скучала по Зохре. От всех других кукол Мелисса отличалась тем, что умела любить. Порой ей казалось, что далеко-далеко от этих мест, в одной мастерской, полной всяких кукол, лоскутов разных тканей, разноцветных ниток и булавок, пожилая женщина-кукольщица, напевая про себя песенку, нашла возможность вложить в ее набитое ватой тело трепетное, живое, маленькое, ну совсем крохотное, как у воробышка, сердце. Иначе Мелисса не смогла бы так всем сердцем полюбить Зохру, ту квартиру, в которой она жила, эту широкую, с мягкой периной, кровать в этой квартире... Иногда в памяти Мелиссы оживали обрывки, говоря языком кино – фрагменты дня своего появления на свет. В одном из этих фрагментов скрывалась песенка, которую напевала пожилая женщина-кукольщица, мастерица Мелиссу. Эта песенка, разбитая на буквы, слоги и слова, рассыпалась по разным уголкам хрупкой памяти Мелиссы. И когда Мелисса в счастливые дни своей жизни, лежа по ночам в широкой, с мягкой периной, постели Зохры, погружалась в свои грезы, ей удавалось собрать из уголков своей памяти буквы, слоги и слова и расположить их в стройном

порядке. В результате сложилась песенка, которую напевала та старая женщина-кукольщица, пришивая розовые, похожие на ковровую бахромку, волосы Мелиссы к ее мягкой тряпичной голове:

*Кукла есть на этом свете,
Счастьем светится она.
С волосами розы цвета
И любовью вся полна.*

Возможно, что любовь Мелиссы была соткана именно из этих слов. То есть уже с первых дней, еще до того, как ее волосы, голова, туловище, руки и ноги были пришиты друг к другу, первым услышанным ею словом была любовь...

Дождь все больше усиливался. Крупные капли дождя, безжалостно ударяясь о ее тело, брызгами отскакивали в сторону.

– Давай, давай, скорей бежим. Поторапливайся. До прихода матери мы должны быть дома.

Пес рвался, дергая за веревку ошейника, стараясь вырвать ее из рук мальчика.

– Ну иди же, Хал. Кому я говорю? Какой же ты друг?!

Мелисса с трудом различала сквозь ливневую пелену разговаривающих. Это был мальчик 7-8 лет. Рядом с ним бежал длинноухий пес с белой, блестящей шерстью с черными пятнами. При виде пса Мелисса сразу определила, что это далматин, потому что мастерица ее та женщина-кукольщица очень любила далматинчиков. Среди изготовленных ею с большой любовью игрушек были десятки мелких и крупных далматинчиков. Мальчик старался увести пса, дергая за веревку ошейника. Но пес стоял как вкопанный, уставившись в одну точку:

– Хал, прошу тебя. Пошли, Хал. Пошли. Вот-вот мать вернется с работы. Надо успеть добраться до дома. И комбинезон твой не надет. Если простудишься, нас обоих накажут.

Но Хал так и стоял, уставившись в одну точку. Аххх... Что это? Мелисса только теперь поняла, в чем дело. Хал, не отрывая глаз, смотрел на нее, на Мелиссу с ее рассыпавшимися по асфальту розовыми волосами. Да-да, правильно слышишь. Хал смотрел на Мелиссу. Смотрел, не отрывая глаз, не обращая внимания на дождь и упрашивающего его хозяина. Мелисса от страха тут же забыла обо всех своих бедах. Она захотела подняться с земли и бежать со всех ног. Но не получилось. Ее тело было так пропитано водой, что она не могла сдвинуться с места. Хал, раскрыв пасть подобно ковшу бульдозера, подошел к ней. Мелисса не могла ни бежать вперед, ни отступить назад. Она с ужасом взирала на потянувшуюся в ее сторону пятнистую, белую и блестящую голову, на пару шевелящихся ушей.

– Айй... Боюсь... – закричала она.

Пропитанное водой ее тело уже было в пасти Хала. Со свисающих ног и рук стекала грязная вода. Мальчик, ухватившись за ее ножки, изо всех сил тянул ее, стараясь вырвать из пасти Хала. Мелисса рыдала... В этот момент прямо рядом с ними остановилась такая же белая и блестящая, как сам Хал, машина. В ушах Мелиссы прозвучал гул мотора. Из машины вышла женщина. Едва выйдя из машины, она прогудела, как машина:

– Что вы здесь ходите? Ведь уже не время для прогулки Хала. Сынок, почему вышли без разрешения? С кем я говорю?!

Мальчик отпустил ножки Мелиссы. Он сунул промокшие руки в карманы брюк:

– Вот, схватил куклу и не отпускает.

– Это не кукла, а грязный хлам. Понял, сынок? Ты ведешь Хала куда попало. И он берет в рот всякий хлам...

«Они говорят обо мне. Это я – хлам?» – Мелисса опечалилась.

Вода, стекавшая из тела Мелиссы, давала ей возможность поразмышлять. По мере того, как стекала вода, ее память становилась ясней.

– Брось ее, Хал... Скорей. У тебя есть чудесные игрушки. Почему ты играешь с уличной куклой?

Мелиссе были знакомы выражения «уличная собака», «уличные дети», но «уличную куклу» она слышала впервые. А женщина все никак не умолкала, продолжая гудеть:

– Хал, ты заразишься микробом. Она не стерильная, не обработана спиртом...

Мелисса ничего не понимала. Она не разбиралась в словах «стерильный», «обработка». Хал тоже не обращал внимания на сказанные слова. Видя бесполезность борьбы, женщина тоже наконец произнесла:

– Пошли домой. Садитесь все в машину: и Хал, и ты, и эта грязная кукла...

Когда въехали во двор, Мелисса все еще находилась в зубах Хала.

Вдоль стены были засажены вечнозеленые ели. Двор был вымощен мраморными плитами. У ворот находилось огромное помещение для охраны, такое же большое по величине, как и дом, в котором жила Зохра.

Как только машина засигналила, оттуда вышел рослый парень. Подойдя к машине, он ухватился за ошейник Хала, с удивлением глядя на Мелиссу в его пасти. Женщина поняла, что тот хотел спросить:

– Хал совсем отбилась от рук. Это он подобрал на улице. Надо подыскать ему нового кинолога-дрессировщика.

Мелисса не поняла и слова «кинолог». Ей вспомнились кинофильмы, которые она смотрела по ночам... Лежа в постели вместе с Зохрой. Но ей непонятно было, какая связь могла быть между кино и Халом. Женщина подошла и встала перед Халом.

– Мой умный песик, отдай ее мне. Она грязная, ужасная. У тебя есть хорошие куклы... – сказала она, придав лицу ласковое выражение.

Мелисса была обижена на весь свет. Она не хотела быть грязной и безобразной куклой. Обижена на всех людей и даже на Зохрану...

– Отдай, Хал... Отдай, говорю.

Женщина стала терзать Мелиссу, чем сильно рассердила Хала.

– Мама, не дергай ее. Все равно не отдаст. Просто тихо пообещай ему, что не выбросишь куклу. Помоешь, почистишь и вернешь ему.

Мелисса с большой скоростью крутилась в барабане стиральной машины. Был последний этап. Этап отжимки. Когда пусковая кнопка машины чикнула и остановилась, Мелисса скатилась и упала прямо в середину машины.

К стеклянной дверце машины, похожей на иллюминатор, вплотную прилепились два глаза, два уха и один нос. Это был Хал. Он ждал ее.

Мелисса стала чистенькой. Стиральный порошок и отбеливающее средство сделали ее белоснежной. Хал стучал своими лапами по дверце машины. Наконец, дверцу открыли. Вытянув вперед голову, Хал забрал ее изнутри барабана.

– Ты стал очень невоспитанным, Хал. Забирай, ладно, вот, бери. Все, успокоился? Ну, теперь иди и поешь свою похлебку...

Хал радостно потрусил в другую комнату. Он уложил Мелиссу в поставленную для него на диване мягкую, неглубокую корзину. Сам тоже залез в корзину и уселся там, сделав глубокий вздох...

Хал думал о предстоящих счастливых днях вместе с Мелиссой, потому что эту игрушку он выбрал сам. Никто не покупал ее для него. Хал сам увидел ее и в тот же миг понял, что они могут стать друзьями...

Но очень скоро, после того дня, как он уложил Мелиссу в свою неглубокую корзину, перед ними предстал некто с огромным, выпирающим на метр вперед, брюхом, в очках и шляпе. Он со свистом дышал, то и дело издавая хрюкающие звуки. При виде этого человека Хал тут же схватил Мелиссу, держа ее в зубах.

– Да, беспокоится... В нем сидит страх...

Мужчина внимательно посмотрел на Хала и Мелиссу.

– Хмм... Знаете, в чем дело, госпожа. В психологии пса произошли серьезные изменения.

– Конечно, произошли... С того дня, как он нашел эту грязную и отвратительную уличную куклу, т.е. Мелиссу...

– Знаю. Вот почему вначале из дома должна быть удалена эта кукла.

Женщина гневно посмотрела на Мелиссу:

– Ее невозможно отобрать у Хала.

– Отберем... Усыпим, а потом и отберем, – ехидно ухмыльнулся кинолог - дрессировщик.

Халу вкололи укол. Возбужденный от предчувствия чего-то нехорошего, Хал долго сопротивлялся. Но в конце концов он уснул. Как только его черные глаза сомкнулись, кинолог-дрессировщик тут же схватил Мелиссу и сунул в карман.

– По дороге выброшу в мусорный бак. – После довольно длительного разговора с хозяйкой он стал прощаться. – Не беспокойтесь, после наших занятий Хал станет самым культурным псом в мире.

В это время Хал находился в глубоком сне.

Я не знаю, когда Хал проснулся, как он себя повел, не найдя рядом с собой Мелиссу...

Да и про Мелиссу тоже ничего хорошего сказать не смогу.

Кинолог-дрессировщик вышел от них в хорошем духе. Пыхтя и сопя, он что-то напевал вполголоса. Впереди стояли мусорные баки, сплошь облепленные мухами. При виде их он тут же вспомнил про Мелиссу. Сунув руку в карман, он вытащил оттуда за ножки Мелиссу. Потом он поднял ее вверх:

– Хмм... Какие волосы. Как ковровая бахрама... Но спасибо тебе. Ты помогла мне. Не будь тебя, такая богатая семья не стала бы искать своему псу дрессировщика. Но все равно придется бросить тебя в мусорный бак, потому что ты уже мне не нужна. – С этими словами он, размахнувшись, изо всех сил швырнул Мелиссу в сторону мусорного бака. В этом стремительном полете Мелиссе почудилось, что она вот-вот пересечет все границы и вновь окажется в мастерской той старой женщины-кукольщицы, которая смастерила ее. На миг она даже успела обрадоваться. Но этого не случилось. Она упала... Место, куда она упала, не было мусорным баком. Пролетя над мусорными баками, она упала где-то далеко от них...

Кто-то подобрал ее с земли. Стал долго ощупывать ее. Мелисса увидела его. Это был старый мужчина в очках:

– Кто тебя бросил сюда, красотка? И почему бросил? Но ведь ты мне не нужна...

Он стиснул Мелиссу в своей большой ладони. Начал мять ее руки, голову, ножки, потом сказал:

– Нет, пригодишься. Такая мягкая. Повешу тебя на стене и буду втыкать иголки...

Конечно же, Мелисса не обмолвилась ни словом. Да и старый сапожник тоже не стал ждать ее согласия. Войдя в будку, он прижал голову Мелиссы к стенке с наклеенными на нее разнообразными снимками улыбающихся девушек и, приставив прямо к середине ее лба большой гвоздь, нанес молотком один удар: тарапп.

Мелисса пришла в себя лишь через несколько часов. Она не могла шевельнуться. Вокруг было темно. Старый сапожник, выключив свет и заперев двери, ушел домой. Мелисса затряслась от страха. Время от времени доносились звуки шороха и писка. Пользуясь отсутствием сапожника, мыши бегали между старой, поношенной обувью. В душе Мелисса была благодарна сапожнику за то, что тот прибил ее к стене, потому что сильно боялась мышей...

Проходили дни. Мелисса так и висела на стене сапожной мастерской, пахнущей старой обувью, гуталином и кожей. Каждый день похожие на сухие сучья дерева корявые пальцы сапожника то и дело вкалывали и вынимали из ее живота, головы, из всех частей тела иголки. Мелисса уже не охала от боли, как это было раньше. Привыкла. Прибившаяся к волосам пыль сделала их тяжелыми. Ей казалось, что голова перевешивает тело. Старый сапожник был заядлым курильщиком. От едкого табачного дыма и запаха она с трудом дышала, цвет лица стал темнее. Но Мелисса не чувствовала себя несчастной. Вовсе нет... Порой она часами задумывалась над тем, почему же не чувствует себя несчастной. Ведь эта полутемная, прокоптелая сапожная мастерская, вся выкроенная и залатанная из различных кусков дерева, железа и фанеры, не шла ни в какое сравнение с тем роскошным домом, в котором она жила с Халом. Мелисса стала понимать, что счастье определяется не местом, где ты живешь, а окружающими тебя людьми. Правда, старый сапожник был колким на язык и грубым человеком. Может, он и сам не знал, какую боль причиняет Мелиссе. Она была уверена, если бы знал, он не стал бы вкалывать в нее ни одной иголки. Но в душе он был очень добрым. Теперь он уже не называл Мелиссу «красоткой». Пуская клубы дыма в воздух, он с улыбкой говорил:

– Ну, как ты, моя красавица? Удобно ли тебе? Если нет, то ты скажи мне, и я вытащу из тебя этот проклятый гвоздь.

Конечно же, Мелисса, безмолвно глядя на него, ничего не отвечала. И старый сапожник тоже, обращаясь к ней, не переставая говорил:

– Поверь мне, сейчас это самое удобное место. Как бы я хотел, чтобы кто-то и меня, вот так пригвоздив к стене, сказал бы: сиди здесь спокойно. Сиди и молчи, будь глухим, немым и слепым. Чтобы не видеть, как рушится этот мир. Не думать о тех, кто страдает от голода и другой нужды... Но что поделаешь, нет того, кто бы пригвоздил меня туда...

Мелиссе нравилось то, что сапожник изливал ей душу, как живому человеку. Он прекрасно знал, что она все понимает.

– По твоему виду знаю, что ты не местная. Ты прибыла откуда-то из другой страны. Правда? – чуть помолчав, словно слушая ее, он продолжал: – Вот видишь, я правильно догадался. Ты не здешняя. Думаешь, что все люди той страны, откуда ты прибыла, счастливы? Нет. Ошибаешься. Там тоже есть свои сытые и голодные, больные и здоровые. Во всем мире у горя есть одно название – и это горе. Как бы оно ни звучало...

Он говорил беспрерывно. Умолкал лишь тогда, когда стучали в дверь. Проводив посетителя, он вновь, обратив лицо в сторону Мелиссы, изливал душу. К тому же обращался к ней по имени, которым назвал ее на днях:

– Ну вот, моя Чичек, ты тоже безмолвна. Все молчишь и молчишь. Вот за это и спасибо тебе. За молчание. Дома старуха так много болтает без умолку, что голова пухнет. Если еще и ты станешь говорить, то я вообще пропаду...

Мелисса не обижалась. Она хорошо знала, что, кроме Зокры, ее имени никто не знает. Старый сапожник с таким удовольствием называл ее Чичек, что Мелисса даже начала любить это имя...

Да, хочу еще заметить, что с первых же дней появления в будке у сапожника Мелиссе стало казаться, что кто-то каждый день следит за ней.

Ее подозрения были обоснованы. Из маленького, покрытого копотью, потемневшего и потускневшего оконного стекла будки выглядывала лохматая голова с чумазой рожей, пристально и долго всматривалась в нее и потом, прижимаясь спиной к стене, удалялась.

Мелисса никогда не думала о нем плохо. Но то, как тот украдкой смотрел на нее, его взъерошенные, грязные волосы вызывали в ней некоторое подозрение. По предварительному предположению, это был мальчик. Видно было, что он висел на окне, приподнявшись на носках. Порой он часами мог, замерев, безмолвно уставиться на нее. Мелиссе даже казалось, что кто-то взял его за голову и пригвоздил к стеклу. Но очень скоро ей пришлось отказаться от этой мысли. Как только во дворе раздавался ужасный хриплый женский окрик:

– Опять ты прилип туда? Ну погоди ты у меня. Я тебе своими руками сверну шею, вот увидишь... – голова тут же, оторвавшись от стекла, отскакивала, как мяч, в сторону и исчезала. Мелисса целыми днями старалась найти связь между этой головой и тем ужасным голосом, но ничего не получалось. И каждый раз, когда раздавался этот голос и исчезала голова из окна, старый сапожник, поворачиваясь в сторону Мелиссы, говорил:

– Эта ведьма прямо пьет кровь из бедных детей.

Из сказок, которые читала Зохра, Мелисса знала, какими бывают ведьмы. Но она думала, что они существуют только в сказках. А теперь в одном из дворов раздается чей-то голос, и оказывается, что хозяйка этого голоса – ведьма.

– Он смотрит на тебя. Наверное, хочет, чтобы ты стала его игрушкой. Ребенок же... Все дети имеют право играть с игрушками. Я бы мог подарить тебя ему. Но думаю, там тебе будет несладко...

Старый сапожник стал объяснять, почему ей будет там несладко... А Мелисса, сколько ни думала, никак не могла найти ответа.

В тот день было прохладно. Во дворе дул сильный ветер. Будка старого сапожника так скрипела и качалась из стороны в сторону, словно собиралась вот-вот сорваться и улететь. Со стороны может так не казалось, но так как Мелисса была прибита к стене, она чувствовала это лучше. Под ней стена ходила ходуном, раскачиваясь из стороны в сторону.

Был вечер. Солнце давно село, но уличные фонари еще не горели.

Мелисса, затаив дыхание, замерла на месте. Гул ветра словно предупреждал: вот-вот произойдет что-то нехорошее. Вначале ей померещилось, что из темного окна показалась та самая чумазая голова... И, едва показавшись, она тут же исчезла. Потом скрипнула дверь будки, запертая старым заржавевшим замком. Кто-то несколько раз дернул дверь. Потом послышался лязг железа, словно кто-то сорвал один из двух замкнутых железных ободков. Висевший на ободке замок, с грохотом стукаясь о дверь, упал на землю... Мелиссу охватил ужас.

Потом на нее упал слабый свет. Кто-то вошел внутрь. Свет от фонаря в его руке заскользил по стене. И он с легкостью нашел Мелиссу. Заулыбался. Тыльной стороной руки утер нос. Приподнявшись на носках, вытянул лохматую голову вперед. Потом, прижавшись лицом к лицу Мелиссы, молча постоял. Сунув руку в карман, вытащил плоскогубцы. Напрягаясь всеми силами, вытянул своими худенькими руками прибитый к голове Мелиссы гвоздь.

– Пойдешь со мной, – коротко сказал он.

Когда они выходили, во дворе было ни зги не видать. Мальчик прижал ее к груди. Ее розовые волосы развевались на ветру. За долгие годы Мелисса впервые выходила на воздух.

– Я давно уже засматривался на тебя. Очень давно... Ты знаешь?! Но ты меня не видела.

Мелисса не смогла сказать, что она тоже видела его уже с первых же дней, как он появился...

– Знаешь, когда я нашел тебя? Вскоре после смерти сестры. Ты похожа на мою сестру. Такая же тихая, спокойная, печальная...

Он бежал, на ходу разговаривая. Вдруг на лицо Мелиссы упала одна капля. Ей показалось, что пошел дождь. Но она заблуждалась. Мальчик плакал.

– Сестра болела. Чтобы излечить ее, мама продала все. И даже наш дом. Но сестра не выздоровела. Вместо этого заболела и мама. Из-за тоски по сестре.

Капли потекли еще быстрее. Они падали на лицо, шею, руки Мелиссы.

– Но она выздоровеет, – всхлипнул мальчик. – Я отнесу и подарю тебя ей, и она выздоровеет. Потому что ты точь-в-точь, как моя сестра... Вот только не знаю, сможешь ли ты пожить у нас?! Но я умоляю, не будь печальной. Давай вместе спасем мою маму. А потом, обещаю, я сам отнесу и повешу тебя на стенку в будке сапожника.

Входя в подъезд большого здания, мальчик вначале замедлил шаг. Внимательно осмотрелся по сторонам:

– Надо быть осторожным. Никто не должен видеть, что я вхожу сюда...

Войдя в подъезд здания, они, вместо того, чтобы подняться на верхние светлые и уютные этажи, стали спускаться в темный, пахнущий сыростью подвал. Здесь было чуть светлее, чем на улице. Они еще долго пробирались внутрь. Наконец, вошли в огороженное простынями и кусками картона помещение. Мальчик был взволнован. Он окинул комнату тревожным взглядом. Напротив них на железной кровати спала худая, слабая, тяжело дышащая женщина. Ее волосы разметались по подушке.

– Это моя мама, – указывая на нее, шепотом сообщил мальчик Мелиссе. – Видишь, какая она красивая. Самая красивая в мире мама. Мы должны излечить ее. Ты и я. Ты поможешь мне?

Мелисса изо всех сил старалась ответить ему. Это усилие словно отразилось на ее лице улыбкой.

– Спасибо тебе большое, – обрадовался мальчик. – Я знал, что ты мне поможешь. Давай знакомиться. Меня зовут Микаил. Коротко Мика... Ты, наверное, не сможешь назвать свое имя. И поэтому позволь мне назвать тебя именем моей сестры: Аида.

У Мелиссы никогда не было матери. Никогда... Эта старая кукольщица смастерила ее, пришила друг к другу все ее части тела. Так и появилась на свет Мелисса... А теперь она должна была заменить кому-то дочь. Кто-то станет ее матерью... Она очень волновалась. А вдруг эта спящая на кровати женщина не примет ее за дочь? Что тогда будет? Ведь Мика все свои надежды связывал с Мелиссой. Что же будет тогда с Микой?

Мелисса впервые так долго задумывалась над жизненным случаем. Это было впервые... Мика говорил с ней шепотом:

– Я впервые пошел на воровство. Украл тебя. Взломал дверь будки старого деда-сапожника. Но я не воришка. Это святое воровство. Для спасения матери. Когда-нибудь я пойду и попрошу прощения у старого сапожника.

Мелисса знала, что старый сапожник простит мальчика. Потому что у этого старого, грубого с виду человека было золотое, доброе сердце...

Неожиданно послышался чей-то всхлип... Мика быстро вскочил с места. Взял Мелиссу в руки:

– Мама проснулась...

Они оба стояли у кровати: Мика и Мелисса. Мика осторожно, с нежностью погладил волосы матери:

– Мама, мамочка, не плачь, открой глаза.

Женщина открыла глаза. И тут же зрачки глаз забегали, сильно-сильно забили ресницы. Невольно затряслись руки.

– Моя милая мамочка, самая красивая на свете. Вот, смотри сюда...

Мика поднял Мелиссу вверх. Подержал ее перед глазами матери. Мелисса сильно дрожала... Вернее, это дрожала рука Мики, в которой находилась Мелисса. Глаза женщины усталились на Мелиссу. По щеке покатились слеза.

– Аида... Моя крошка... Аида...

Мика добился цели.

В ту ночь в этом полутемном подвале все были счастливы. Все – и Мика, и его мать, и даже Мелисса. Мика поставил у столика рядом с кроватью два стула. Один из них предназначался для Мелиссы. Мелисса удобно расположилась на стуле. На лице ее было написано самодовольство. Она была рада, что смогла помочь людям. Мать Мики нежно гладила ее по голове. Мика то и дело входил и выходил из-за перегородки, где находилась так называемая кухня. Каждый раз, когда он выносил оттуда что-то и ставил на столик, он говорил:

– Мама, это тебе, это Аиде, а это мне.

Чашки с чаем уже заняли свои места. Перед Мелиссой стояла желтая чашка с отбитой ручкой и золотистой каймой по краям. На ней была изображена розовая бабочка. Чашка очень понравилась Мелиссе.

Принесенное Микой в очередной раз печенье он также распределил по две штуки на каждого:

– Это маме, это сестре, а это мне...

Мелисса не ослышалась. Мика назвал ее «сестрой». Впервые... Впервые у нее был брат. Мика с удовольствием откусывал печенье, запивая чаем, и говорил:

– Мамочка, ну, поешь. Вкусное печенье. Я купил их в том большом супермаркете. Аида, ты тоже ешь... – Потом он, взяв одно печенье, поднес ко рту Мелиссы, приговаривая: – Ешь, Аида, ты же любишь это печенье... Ешь, ешь, откуси побольше. Знаю, что тебе нравится... – Потом, поднеся ко рту Мелиссы желтую чашку с отбитой ручкой, он говорил: – Пей, пей. Попей чаю. Ты же знаешь, если не поешь, то не вырастешь...

Мелисса уже несколько месяцев жила в этом подвале. Каждое утро Мика, проснувшись, подходил к постели матери. Целую вначале мать, а следом за ней и спавшую в углу постели Мелиссу, он говорил:

– Пока, мои дорогие, я пошел зарабатывать деньги.

Мика всегда говорил: «зарабатывать деньги». И никогда – «попрошайничать». Он считал себя мужчиной – кормильцем этой семьи. Считал, что заботиться об этой семье – его долг. Беседуя с Мелиссой, он признавался:

– Какое счастье, что мама жива, и ты рядом со мной, Аида. Если бы не вы, у меня не было бы семьи. И я вынужден был бы оставаться рядом с этой Гарачы – Цыганкой. Я не хочу жить с ней, Аида. Ты понимаешь меня...

Только сейчас Мелисса поняла, почему Мика, принеся ее в подвал, сказал: «Мне надо быть осторожным. Никто не должен видеть, что я вхожу сюда». Получается, что Мика боится этой женщины или мужчины по имени Гарачы.

В один из дней тяжелая, со скрипом открывающаяся дверь подвала больше не открылась. Это означало, что Мика не вернулся домой. Потому что эта дверь открывалась и закрывалась лишь два раза в день. Только когда Мика уходил зарабатывать деньги и потом возвращался. Всю ночь до утра Мелисса лежала, прижавшись к тяжело дышавшей груди матери Мики. Она старалась успокоить ее. Но, конечно же, она не смогла удовлетворить все потребности этой, прикованной к постели, больной женщины. Лишь внимательно слушала ее рассказы:

– Я сама назвала тебя Аидой. Я была оперной певицей. Исполняла вокальные партии Аиды в опере «Аида». Вот почему и назвала тебя Аидой... Что-то Мика не

идет...

Женщина говорила связно, не сбиваясь. Словно это была не та самая, молчавшая многие месяцы, женщина. До этого времени Мелисса слышала от нее лишь эти слова: «Аида... Моя крошка... Аида...». И то они были произнесены в первый день появления Мелиссы в подвале. И все. А теперь вот она говорила. Но сам Мика, с тоской ожидавший того дня, когда мама заговорит, уже третью ночь как не появлялся. От него не было никаких вестей. Мелисса вся обратилась в слух, не отводя глаз от дверей...

Маленький столик, который Мика накрывал для чаепития, теперь был совершенно пустым. Его больная мать совсем обессилела без еды и питья. Теперь она повторяла лишь одну фразу:

– Гарачы увела Мику...

Хотя Мелисса и не вполне поняла, что этим хотела сказать женщина, однако услышанное уже дважды слово Гарачы что-то подсказывало ей...

Однажды утром Мелисса, проснувшись, увидела, что мать Мики больше не дышит... Мелисса попыталась понять, что это означает. Внимательно посмотрела в уставленные в одну точку глаза женщины, ожидая привычно произносимых ею слов: «Гарачы увела Мику»... Но этого не случилось. Женщина лежала каменно-спокойная и безмолвная. Как раз в этот же день тяжелая дверь подвала протяжно заскрипела. Мелисса очень обрадовалась, ожидая, что вот-вот увидит Мику. Как хорошо, что он явился, подумала она. Увидев его, может, и мать медленно-медленно задышит. Но Мики не было. Это были два сантехника, которые спустились в подвал, чтобы проверить и починить водопроводные линии... Один из них, отодвинув простыню, которой Мика загораживал свое жилье, заглянул внутрь.

– Смотри-ка... Да здесь, оказывается, кто-то живет...

Другой тоже вошел через завешенный простыней проем внутрь. Подойдя к кровати, он увидел мать Мики.

– Смотри, тут женщина... Кажется...

Другой тоже, подойдя, взял женщину за руку. Попытался нащупать пальцем ее пульс. И тут же отпустил руку:

– Надо сообщить... Пусть придут и заберут ее. Она бездомная...

Вскоре прибыла машина скорой помощи... И с того дня Мелисса осталась в этом темном и страшном подвале одна...

В эти дни одиночества она вспомнила многих. Зохру, все детство которой прошло вместе с ней, капризного проказника Хала из богатого дома, сердитого и великодушного, строгого сапожника и, наконец, Мику, который и притащил Мелиссу в подвал ради спасения матери... А когда воспоминания заканчивались, бесконечная возня и писк мышей и страшный мрак в подвале так пугали Мелиссу, что она, не зная, как быть, с тоской ожидала того дня, когда избавится от этой подвальной жизни. Но если бы она знала, очевидцем и участником каких событий ей придется стать, то предпочла бы так и оставаться в этом мрачном подвале...

Когда это произошло, только-только наступило утро. И даже, представляете, подвальные мыши еще продолжали спать. Потому что не слышно было их бесконечного шороха и писка. В этот раз дверь так страшно заскрипела, что Мелисса могла с уверенностью сказать, что это не Мика. Лицо, которое вошло в подвал, тут же стало извергаться подобно вулкану:

– Ну вот, прошу-сь... Вот и твои хоромы. Попрошайка несчастный. А я думала, что укрытыми от меня деньгами ты себе дворец отстроил... – Мелисса смотрела краем глаза. Это была темнокожая, костлявая, хромая и горбатая старуха. Ее седые волосы

свисали по щекам, посох, за который она держалась своими черными, грязными руками, дрожал. Старуха выглядела отвратительно. Мелисса даже задумалась, видела ли она когда-нибудь такую уродину.

В этот момент кто-то, выскочив из-за спины старухи, бросился к кровати. Рыдая, он откинул одеяло, поднял подушку. Он стал рыться в постели, словно ища там иголку:

– Мамочка... Когда я уходил отсюда, моя мама лежала здесь. Вот здесь... На этой кровати. А теперь ее нет... Мамы нет.

Это был Мика. Он плакал. От волнения он даже не заметил Мелиссу, которая выпала из одеяла, когда Мика откинул его в сторону.

Рыдания мальчика совсем не тронули оравшую до этого старуху:

– Ну нет, так нет. Большое дело. Ушла по своим делам.

– Она не могла ходить...

– Ну, тогда ясное дело... – все не унималась старуха.

Мика начал кричать. Горько заплакал... Взмахнув своим посохом, старуха стала наносить мальчику удары:

– Хватит. Перестань. Меня твоя мать совершенно не волнует. Понял?! Ясно тебе, щенок?! Меня интересуют собранные тобой деньги. Скажи сейчас же, где ты их припрятал? Если сейчас же не скажешь, я прибью тебя. – Она двинулась в сторону Мики. Мальчик, плача, отходил назад:

– Нет у меня денег. Ни копейки нет. Все потратил на лекарства для сестры и матери. Но я потерял их обеих... – Вдруг неожиданно он заметил на полу Мелиссу. Быстро поднял ее. – Аййй... Прости меня, Аида. Оказывается, ты здесь. А где моя мама?

Конечно же, Мелисса, которая была очевидцем всех событий, ничего не смогла рассказать ему. Но Мика уже и сам все понял...

С того дня Мика вместе с Мелиссой стали жить в более ужасном, чем подвал, месте – рядом с этой темнокожей, костлявой, хромой и горбатой старухой-цыганкой. Мелиссе иногда казалось, что страшнее этой жизни быть не могло. Лачуга цыганки находилась на окраине города, в укромном месте, подальше от людских глаз. Среди бесконечных мусорных свалок и камышовых зарослей. По ночам лягушье кваканье и стоны утомленных, избитых и униженных детей не давали ей покоя. Мика был одним из последних, кто появился в этой лачуге и поэтому он был более сильным и здоровым. Остальные дети уже давно жили здесь под гнетом цыганки: крохотная и веснушчатая Нико (Нигяр), ее брат – черноглазый и хилый Камо (Кямран), светло-волосый и голубоглазый Рустам, прозванный Рыжим, лилипутка Ляман по прозвищу Лара, девочка Зибя, прозванная Зенджи (Негритянка) за темный цвет кожи и кучерявые волосы, и, наконец, Тоту, то есть Тогрул, который мучил детей похуже самой цыганки...

Цыганка была здесь за главаря. Из тех денег, что добывали дети с раннего утра до позднего вечера, на их долю приходились лишь похлебка и ночевка в этой сырой лачуге.

В лачуге происходили бесконечные побои... В этих побоях больше всего удары доставались от Тоту, а побитыми были остальные дети. Тоту был правой рукой цыганки, ее осведомителем. Каждый вечер до ужина происходил час отчета. В эти часы Мелисса была рада, что не является человеком.

– Нико и Зенджи, шаг вперед...

Эти две девочки, выступившие на шаг вперед из нестройного ряда выстроившихся не по росту детей, от страха свернулись клубком. Волосы Нико свисали до кончика носа. Из-под волос выглядывали шмыгающие в страхе зрачки глаз и покрасневшие веснушчатые щеки. Руки были засунуты в карманы грязных брюк.

– Вынь руки из кармана...

Нико вытащила руки. Она попыталась спрятать куда-нибудь свои сжатые кулачки.

– Раскрой ладони... Раскрой, говорю тебе...

Посох цыганки заиграл в воздухе, потом опустился вниз. От удара по рукам Нико раздался треск, подобно сломанной ветке дерева... В тот же миг кулачки девочки разжались. Скатившиеся монеты рассыпались по полу...

– Почему не положила деньги в корзинку?

Корзинка находилась у дверей, на колченогой табуретке. Каждый входящий освобождал свои карманы в эту корзину и только потом проходил и садился в своем углу. Сегодня Нико нарушила это правило. Ее выдал цыганке Тоту.

– Ответь на мой вопрос, почему не положила деньги в корзину?

Слезы, текущие из глаз Нико, смешавшись с соплями, размазались по всему лицу. Намокшие волосы прилипли к веснушчатым щекам:

– Положила. Оставила немного себе. Куклу хочу. Как у Мики... – Цыганка схватила Нико за волосы...

Камо попытался вырвать сестру из костлявых рук старой ведьмы. Цыганка поколотила их обоих... Потом, подняв их с пола, вернула на свои места в нестройном ряду:

– Зенджи... – У Зибы задрожали губы. Она закричала и начала плакать. Цыганка ударила ее по губам: – Почему плачешь? Ты же еще не знаешь, о чем я буду тебя спрашивать. Где ты шаталась полдня? Отвечай...

– В старом автобусе...

– Где?

– В старом автобусе рядом с гаражами.

– Что ты там делала?

– Носила еду своей собаке. У меня там собака есть. Больная, пятнистая собака. Машина наехала ей на ногу. Я нашла ее на дороге. Устроила ей место в старом автобусе...

– Ты на нее смотри! У нее есть собака. Да ты сама и есть собака... – в бешенстве орала цыганка. – Я содержу тебя, а ты кого содержишь? Вот сейчас переломая тебе ноги, будешь ползать без ног... Тогда поглядим, кто будет носить еду этой больной пятнистой собаке...

Цыганка так и сделала. Она с такой силой ударила своим посохом по ноге Зенджи, что девочка как упала, так и осталась на месте...

– Тоту, тащи ее и брось в постель...

Происшествия первой ночи пребывания здесь Мелиссы сильно ошеломили ее. Среди сидевших за столом во время ужина Нико и Зенджи не было. Они были наказаны. Этой ночью должны были лечь голодными. На столе было несколько луковиц, по одной вареной картофелине на каждого и три яйца. Весь ужин состоял из этого. Одно из трех яиц съела цыганка, а другое – Тоту. Оставшееся единственное яйцо было поделено на четыре части, и Мика, Камо, Лара и Рыжий каждый взял свою долю. Мелисса была единственной свидетельницей, заметившей, как Камо свою дольку яйца поднес не ко рту, а положил в карман. Мика тоже спрятал кусочек яйца в кулаке, а потом, осторожно водя рукой по столу, опустил сжатый кулак вниз и сунул яйцо в карман брюк. Как же она не догадалась сразу? Ведь Нико и Зенджи были голодны. Кямран, наверное, отдал свою долю яйца Нико, а Мика – Зибе. Но только после того, как все уснут. Если цыганка увидит, никому не сдобровать. Все сидевшие за столом были заняты едой, стараясь быстрее других перехватить то, что лежало на столе. Кто замешкается, уснет голодным. До самого утра Зенджи не переставая стояла. В полночь, когда цыганка наконец уснула, Мика тихонько подполз к Зенджи...

– Сильно болит?

– Да, как будто ножом режут.

Мика оторвал от простыни полоску ткани и, приставив к обеим сторонам ноги девочки по куску твердого картона, перевязал ее.

– Спи... Сейчас полегчает. Нет, постой. – Мика опустил руку в карман брюк, вытащив оттуда кусочек яйца. Желтка не было. Видимо, раскрошился и размазался по карману. – Вот, возьми, поешь. А вот и хлеб.

Мика вытащил хлеб из другого кармана. Удивительно, что каким-то чудом Тоту не заметил этого. Зенджи тут же проглотила яйцо с хлебом. Потом тихо поцеловала своими запачканными яйцом губами Мику в щеку:

– Спасибо. Было вкусно.

Когда Мика собирался вернуться к себе и лечь в постель, Зенджи остановила его:

– Мика, у меня к тебе одна просьба. Не мог бы ты завтра отправиться к тому заброшенному старому автобусу? Надо отнести еду моей собачке. Она такая больная и слабая, что, если не поест два-три дня, может умереть.

– Спи, обязательно отнесу, – не раздумывая, с готовностью ответил Мика.

Зенджи успокоенно улыбнулась. И уснула... А Мика еще долго не мог заснуть. Он вспомнил, как Зенджи поцеловала его. Провел рукой по щеке. Потом о чем-то долго задумался. Когда его наконец-то сморил сон, на небе уже не было ни луны, ни звезд. Занималась утренняя заря.

Мика сегодня встал раньше обычного. Налив себе воды из поставленной в углу посуды, он выпил, потом, запихнув Мелиссу в карман, вышел.

Они быстро добрались до места, где Мика «зарабатывал деньги». Сняв шапку, он положил ее перед собой на землю и, поджав под себя ноги, уселся у края тротуара рядом с магазином, на витрине которого красовалась разноцветная детская одежда. Он всегда так делал. Никогда не подбегал к прохожим, прося милостыню.

Мелисса тоже, как обычно, заняла свое место на коленях у Мики. Здесь ей нравилось. Целыми днями она пристально разглядывала одежду, представляя себя в ней.

Некоторые из прохожих кидали в шапку Мики монету. Но не все. Немало было и тех, кто, проходя мимо, косился на них. Мелиссе так хотелось вернуть их обратно, спросить их с мольбой в голосе, почему они проходят мимо? Ведь жизнь одной собаки находится в опасности. Мы должны поспеть к ней. Но, к сожалению, она не могла говорить. Иногда она думала про себя: «Эти машины скорой помощи с мигалками спешат на помощь к больным людям... а как же быть больным собакам, кошкам, куклам?.. Почему нет машин скорой помощи для их спасения?»

Когда они добрались до гаражей, солнце уже скрылось за облаками.

Мика с беспокойством оглядывался по сторонам, пытаясь найти старый, заброшенный автобус.

Вокруг было жутко и безлюдно. От кваканья лягушек глохли уши. То и дело из камышовых зарослей вылетала и поднималась в воздух стая птиц, раздавался страшный гвалт. Мелисса еще сильнее прижималась к Мике, страстно желая поскорее убежать из этого ада. Ей даже казалось, что это место страшнее того подвала, где жили Мика с мамой. Потому что тот подвал размещался под большим зданием. В этом здании жили люди. В людных местах Мелисса чувствовала себя безопасней. А это место, наполненное всякими жуткими звуками, гвалтом лягушек, свистом и гоготом птиц, было безлюдно. Кроме Мики, вокруг не было ни души. Ага... кажется, это и есть тот заброшенный автобус, о котором говорила Зенджи. В тот же миг Мика тоже заметил этот автобус.

– Нашли, Аида, вот он, этот старый автобус.

Изнутри автобуса слышался собачий визг. Мика бросился вперед. Ветер, проникающий внутрь через открытые двери автобуса, пытаясь со свистом вырваться наружу через разбитые стекла окон, создавал дикий гул.

Едва войдя в автобус, Мелисса пришла в ужас от увиденной картины. Это же был Хал. Хааал... Кошмар. Да, это был Хал. Мелисса была уверена. Больной и измождённый Хал, лапа которого была перевязана куском ткани, порванной из подола платья Зенджи с голубыми цветочками. Мика быстро усадил Мелиссу на одно из сидений автобуса и подошел к собаке. Он поднял пса с пола, накрытого грязной тряпкой, и взял его на руки:

– Холодно, да? Тебе холодно?

Мика попытался прижать его к груди и согреть. А Хал, жалобно скуля, всё дергался, стараясь вырваться из его объятий. Он увидел Мелиссу...

Наконец, Халу удалось высвободиться из объятий Мики и оказаться на полу. Волоча за собой сломанную лапу, он подошел к сиденью. Жалобно заскулив, уставился на Мелиссу. Потом, с трудом приподняв переднюю лапу, подхватил Мелиссу и прижал к груди. С волнением потерся носом о ее лицо и волосы.

Хал плакал. Он нашел свою подружку. Ему так хотелось рассказать Мелиссе обо всем случившемся. С того момента, как кинолог-дрессировщик, запихнув Мелиссу в карман, вышел из того сверкающего дворца, до сегодняшнего дня. Обо всех событиях... Рассказать о том, как сильно опечалился, когда, проснувшись утром, не увидел Мелиссу, как целыми днями неподвижно лежал, отказываясь от еды, и, наконец, улучив момент, покинул этот сверкающий дворец... В тот день Хал долго бродил голодным. И в тот же день одна из мчащихся на большой скорости машин наехала ему на лапу... Когда Зенджи нашла и притащила его в этот заброшенный автобус, он был без сознания. Кровь из раны на лапе не прекращалась. Уложив его в этом автобусе, Зенджи побежала в аптеку. Купив йод и бинт, она перевязала ему лапу... С того дня он так и жил в этом автобусе, больной и одинокий...

Надо же было такому случиться. Какие странные случайности происходят в жизни!

Мика с интересом наблюдал за встречаей Хала и Мелиссы. Слезы Хала падали на голову Мелиссы и, стекая оттуда вниз, оставляли следы на ее тряпичном теле. Мика уже понял, что если разлучить их, то это обернется для Хала большим потрясением. Но как же быть? Как он может уйти, оставив Хала с Мелиссой в этом холодном, заброшенном автобусе? Отвести Хала к цыганке нельзя было. При первом же визге собаки цыганка придушила бы его.

Мелисса следила глазами за Микой. Она тоже хорошо знала, что Мика ни за что не оставит Хала здесь одного, даже если ему придется оставаться голодным на улице, на холоде и в темноте. Но куда тогда увести Хала? Ведь Мика тоже мог разделить участь Зенджи. Мелисса очень хорошо понимала все это. И вдруг от неожиданно осевшей ее идеи все ее лицо осветилось. Ей даже показалось, что выцветшая коверная бахрома на голове засияла розовым светом...

Мика внимательно посмотрел на нее:

– Стопроцентно уверен, ты что-то задумала, да, Аида? О месте, куда мы пойдём. – Мелисса улыбнулась. Да... Да... По-настоящему улыбнулась. Мика словно прочитал ее мысли. – К старому сапожнику. Правильно догадалась. Другого места нет. Отлично. Ты умная девочка. Но... – Мелисса уставилась на него. – Но ведь я украл тебя у него. Как мне идти к нему? Что мне сказать ему? Но другого выхода нет. Должны пойти. – Мика сунул Мелиссу в карман брюк, взял Хала вместе с настилом из тряпья на руки:

– Пошли, дружок.

Хал был так счастлив. Ему и в голову не приходило, что когда-то придет конец его дням в заброшенном автобусе, полным холода, лягушачьего гвалта, воя и свиста ветра, голода и страха.

Когда они добрались до будки сапожника, уже смеркалось. Надо было спешить. Если поздно вернуться домой, цыганка побьет Мику. Добравшись до будки, Мика остановился. Сделал глубокий вдох. Отдышался. Чуть замедлил шаг. Но времени на раздумья не оставалось. Мелисса тоже была уверена, что старый сапожник мог плохо их встретить, рассердиться, поругать Мику за то, что тот украл Мелиссу, но никогда бы не стал гнать его с больным и раненым Халом на руках. У старого сапожника было мягкое и доброе сердце. В этом Мелисса была твердо уверена...

Когда Мика входил, старый сапожник вбивал в подошву обуви последний гвоздь, собираясь уйти домой.

Как раз в этот момент он изливал на гвоздь всю желчь своего языка:

– Ах, проклятье тебе. Чтоб тебе... Тыфу... Ну почему ты искривился, а?! Никак не можешь без этого. Сейчас я так дам по твоей шапке, что уже никогда не выпрямишь свою кривую шею. На тебе... Таппп...

Мика вошел вместе с ударом молотка:

– Аааа... Что такого? Не можешь потише хлопать? Сперва надо постучаться, попросить разрешения...

Мика пришел в себя. Он был чуть смущен:

– Простите.

– Ладно уж. Что тебе надо? Дай сюда обувь, посмотрю. Но поздно уже, оставим на завтра. Мне пора домой...

Вместо обуви Мика, вынув из кармана Мелиссу, положил ее на стол старого сапожника. При виде куклы сапожник вздрогнул. Как бы он ни старался быть серьезным, но ему не удалось скрыть своей радости:

– Чичек... Ах, ты. Куда же ты пропала? Как же ты могла оставить старого дедушку и уйти?

Потом он внимательно посмотрел на Мику. Словно до него только сейчас дошло, что Чичек не может сама ходить. Ее утащил вот этот маленький негодник. Он неожиданно вскочил с места. Лицо посерьезнело. Мика из осторожности отступил на несколько шагов назад:

– Это ты украл? И замок будки ты взломал. Ах, ты... Вот и попался в мои руки. Иди сюда. Сейчас я выдеру тебе уши. – Но рука старого сапожника, потянувшаяся в сторону Мики, повисла в воздухе. Его взгляд остановился на раненом Хале в руках мальчика. – Что с ним случилось? Ну-ка дай сюда. Ох, бедняга...

И потом все выяснилось. Мика рассказал старому сапожнику, почему утащил Мелиссу, куда он ее понес, где и в каких условиях нашел Хала. Но мальчик ни словом не обмолвился о цыганке. Он хорошо знал, из-за Мики цыганка обязательно найдет старого сапожника и отомстит ему. В конце он попросил старого сапожника:

– Дедушка, прошу тебя, возьми пса на несколько дней к себе. Сейчас я не смогу забрать его с собой...

Но старый сапожник уже принял решение. Он не только оставит у себя Хала, но и ответит к ветеринару и излечит его...

Когда Мика передавал Хала сапожнику, пес спал. Мика не мог больше задерживаться. Если он опоздает хотя бы на 10–15 минут, то цыганка и Тоту поколотят его как следует. Старый сапожник взял Хала на руки. От волнения у него дрожал голос:

– Иди, сынок... Иди. Хочешь, забирай себе и Чичек. – На глаза старика навернулись слезы. – Ведь теперь она твоя единственная опора. За пса не беспокойся. Я сейчас же отведу его к ветеринару.

Если бы старый сапожник не увидел Хала в таком состоянии, он обязательно спросил бы у Мики, где он живет, как и чем питается. Мика забрал Мелиссу с собой. Бросив на Хала последний, прощальный взгляд, он вышел из будки.

Мика так быстро бежал, что голова Мелиссы качалась из стороны в сторону. Ей так и хотелось выкрикнуть изнутри кармана:

– Боже мой... Ааа... Чуть шея не сломалась. Нельзя ли потише... – Но не выкрикнула. Она хорошо знала, что если Мика опоздает, то цыганка свернет шею ему самому... Вот почему Мелисса терпела. А Мика все бежал и бежал без передышки. Вот он уже добрался до бесконечных камышовых зарослей и царства мусорных свалок. Послышался хриплый крик. Мика быстро бросился внутрь.

Цыганка вновь избивала Зенджи. Но на этот раз ей пришлось нагнуться, так как Зенджи не могла стоять на ногах. Цыганка, еще более согнув свою горбатую спину, пинала ее ногами и кричала:

– На нее смотри, еще перечит мне. Плевать мне, что у тебя нога болит. Кто тебя просил припрятать часть собранных денег? Вот и получай по заслугам. Не можешь ходить попрошайничать, так ползком пойдешь и пороешься в мусорных свалках. Далеко не надо, кругом и так полно мусора. Что-нибудь да найдется. Все равно пригодится...

Под словом «найдется» она имела в виду пластмассовые бутылки, стеклянные банки. Зенджи не могла сдвинуться с места и жалобно стонала. Стоило Мелиссе мельком взглянуть на ее ногу, как ей вспомнилась лапа Хала. Хала спас от смерти Мика, а кто спасет Зенджи? Нога у девочки распухла, как бревно, и покраснелась. Зенджи лежала на полу, стуча зубами, худенькое тело сотрясало от озноба, дрожа, как осиновый лист. Стараясь увернуться от пинков цыганки, она поползла в сторону угла, чтобы найти там покой. Но цыганка, никак не успокаиваясь, все продолжала наносить удары.

Кто-то с силой распахнул двери настежь, чуть не сорвав их с петель. Каждая створка с грохотом распахнулась в одну сторону. Потом в комнату пулей влетел Тоту.

– Бабушка, скорей собирайся, надо бежать отсюда... Полиция увела Лару и Камо... Наверное, вот-вот они нагрянут сюда и разнесут все...

Цыганка, охваченная страхом, сильно переполошилась. Забыв о Зенджи, она заметалась по комнате, лихорадочно думая, что и как забрать. Она быстро подскочила к стоявшему на видном месте в комнате изодранному креслу. Быстро перевернув кресло, вытащила из него мешочек, завернутый тряпьем. Она с такой силой его дернула, что мешочек развязался. Пересчитанные и перевязанные отдельными пачками деньги вывалились и рассыпались по полу. Цыганка, как сумасшедшая бегая по комнате, стала судорожно собирать их и запихивать в мешок и, не оглядываясь, выбежала вон из комнаты. Тоту тоже выскочил следом за ней...

Мелисса была безмолвна. От волнения у нее пересохло в горле. Мика старался оттащить дрожащую в ознобе Зенджи и уложить ее на матрасе, который он постелил на полу.

– Потерпи чуть-чуть. Сейчас я укрою тебя, а потом напою горячим чаем. И озноб пройдет...

– Не трогай меня, Мика... Нога сильно болит. Мика... Оххх...

Мика укрыл Зенджи всем, что нашлось в доме. Но та продолжала дрожать. Она отказалась от чая, который принес ей Мика, отталкивая его руку в сторону.

– Нет, не хочу, Мика, меня тошнит.

– Выпей... И озноб пройдет...

Состояние Зенджи все ухудшалось. Мелисса, неподвижно сидя на своем месте, не могла оторвать глаз от Зенджи. Ей казалось, что в груди у нее что-то сжимается, болит и гнетет. Каждый раз, когда она не могла помочь кому-то, она чувствовала боль в груди. Иногда она думала, что и люди тоже в моменты печали, тоски, приложив руку к груди и помолчав немного, говорят: «Тоска на сердце». Возможно, что та самая тоска, которая гнетет ее душу, и есть сердце. Ведь порой ей казалось, что где-то очень далеко-далеко отсюда, в одной мастерской, полной всяких кукол, кусков ткани, разноцветных ниток и булавок, старая кукольщица, смастерившая ее, улучив момент, смогла вставить в ее набитое ватой тело живое, трепещущее, крохотное, как у воробышка, сердечко... Все это, то есть раздумья Мелиссы о сердце, я уже рассказывала. И вот теперь, когда при виде страданий Зенджи у нее что-то сжалось в груди, этой розововолосой кукле вновь показалось, что если бы она спокойно взидала на все это, ни о чем не переживая, она была бы настоящей куклой. Но если она переживает все эти боли и страдания вместе с Зенджи, значит, она необычная кукла. Полукукла, получеловек с душой, переполненной состраданием, любовью, нежностью. Ну вот... кажется, я опять возвращаюсь к одному и тому же разговору... А Зенджи на глазах у самой Мелиссы и Мики, короткая жизнь которого прошла в невзгодах и страданиях, вся корчилась от боли и сильного жара. Мелисса была уверена, что если Зенджи дрожит, значит, у нее высокая температура. Это она неоднократно слышала от матери Зохраны еще в те счастливые дни, когда жила у них: «Тебя знобит? Постой, я измерю температуру. Если бы не было температуры, тебя бы не знобило».

Мелиссу одолевали и другие раздумья... Как раз в эту минуту, глядя на страдания Зенджи, она подумала о том, почему некоторые люди бросают своих детей? Вот как мать Зенджи. Даже та старая женщина-кукольщица заботливо гладила своих кукол по голове, укладывая их по начищенным каждый день до блеска полкам. По утрам она неизменно приветствовала их со словами: «Здравствуйте, мои ненаглядные» или: «Ну, что, проснулись, мои самые красивые куклы на свете?» А по вечерам она, обращаясь к ним, говорила: «Я пошла спать. Пусть ваши сны будут красочны и полны радости, мои дорогие». Потом она тихонько тушила свет и уходила, оставив дверь чуть приоткрытой. А знаете, почему оставляла приоткрытой? Да чтобы ее с любовью пошитые игрушки не боялись по ночам. Вот так... Но как же люди могут выбрасывать на улицы своих живых детей? Таких раздумий у Мелиссы было много. Слишком много.

Мика находился в еще более худшем положении, чем Мелисса. Что он мог сделать? Как мог помочь Зенджи? Поблизости не было населенного пункта. А Зенджи обязательно надо было отвести к врачу. От сильного жара она уже начала бредить, произнося бессвязные слова. Зенджи сама не могла ходить. У нее распухла и покраснелась нога. Хорошо, но если Лару и Камо забрала полиция, так где же тогда Нико и Рыжий? Если бы хоть кто-нибудь явился, то, взяв Зенджи с обеих сторон под руки, они отвели бы ее к врачу.

В дверь осторожно постучали. Совсем тихонько. Словно скреблась кошка. Мика бросился к двери. Кто бы там ни был, хоть даже полицейские, Мика был на все согласен. Главное, чтобы смогли вовремя доставить Зенджи к врачу. Это были обитатели дома, все, кроме Тоту и цыганки: Нико, Камо, Лара и Рыжий... Как только дверь распахнулась, Лара шепотом спросила:

– Кто дома?

Мика удивленно посмотрел на них:

– Разве вас не увела полиция? То есть, не всех, а только Лару и Камо...

– Кто это сказал?

– Тоту...

– А что сказала цыганка?

– Ничего, забрала все и сбежала... И Тоту за ней следом.

Услышав об отсутствии дома цыганки и Тоту, ребята начали звонко смеяться:

– Тоту соврал. Наверное, что-то задумал. Знаешь, куда мы ходили? – Мике не пришлось долго думать, чтобы ответить на загадочный вопрос Нико. Потому что Лара, приподнявшись на своих коротких ногах, кое-как наклонилась к уху Мики и общилась:

– На карусели... Знаешь, как быстро они крутятся? Мчатся, как ветер... – Весь дом был наполнен веселым смехом. Даже Мика и Мелисса, забыв на время о лежавшей в углу и стонущей Зенджи, окунулись в их, полный приключений, мир. Первым опомнился Мика:

– Ребята, вы о своей прогулке расскажете потом. Зенджи плохо. Она не в себе. Бредит. Ее надо доставить к врачу...

Все разом замолчали. Осторожно ступая своими босыми и грязными ногами по полу, они подошли к Зенджи:

– Почему ступаете так осторожно? Я же сказал, она не в себе. Ничего не понимает.

Зенджи бредила. Она все повторяла: «Меня в том старом автобусе ждет большой пес». Если бы Зенджи знала, в каком она состоянии. У нее горели щеки. Нико, наклонившись, приложила руку ко лбу девочки:

– Надо спешить. Лоб горит.

Вопрос о том, чтобы отвести Зенджи к врачу, держа ее под руки, уже не стоило обсуждать. Девочка не могла поднять голову с подушки. Ни одно из предложений по доставке Зенджи к врачу не годилось. Неожиданное предложение Мики было принято всеми. Ребята начали спешно действовать. Рыжий быстро отправился к мусорным свалкам. Вскоре он притащил оттуда две доски. Расставив их рядом, они привязали их друг к другу простыней. Поверх ветхой простыни постлали одеяло. Приподняв Зибу с пола, вместе с матрасом уложили на носилки. И, ухватившись каждый за один конец носилки, подняли и понесли ее.

В суматохе Мелисса была забыта. Она осталась одна. Но никого, вернее, Мику, в этом не винила. Ей было страшно, но главное, чтобы доставили Зенджи к врачу. Квakanье лягушек, гул и завывание ветра, нескончаемый лай собак были слышны в комнате еще более отчетливо, чем обычно. Мелисса сидела, вся съежившись. Осмелевшие ее безмолвием мыши беспорядочно бегали по полу. Внутри перевернутого цыганкой старого кресла был настоящий праздник. Мелисса никак не могла понять, что там искали мыши. Ведь ей никогда в жизни не приходилось быть мышью. Она не знала, что больше всего на свете мышам нравится грызть. Это их любимое занятие. А в этом кресле было столько мест для этого. И мыши с удовольствием грызли... В это время изнутри кресла послышался звон. Потом что-то начало сыпаться на пол. Полутемная комната как будто осветилась. Мелисса смотрела, широко раскрыв глаза. Она была взволнована. Из кресла сыпались золотые монеты. Желтые, блестящие, сверкающие... Мыши тоже, казалось, были ошеломлены. словно не надеясь найти в этой полутемной лачуге такие блестящие золотые монеты, они шумно и бойко веселились, подпрыгивая под этим золотым водопадом. Мелисса сразу все поняла. Золотые монеты принадлежали цыганке. Убегая, впопыхах она забыла забрать их...

Уже было далеко за полночь. Даже шум мышей прекратился. Лягушки тоже перестали квакать. Мелисса спокойно сидела. Скрип двери взволновал ее. Потом слышался шепот входящих ребят... Они толкались.

– Отойди. Ты наступил мне на ногу...

– Не бей, убери руку...

Камо и Рыжий толкались прямо в дверях. Мика старался их успокоить:

– Что с вами? Пройдите хотя бы внутрь, а потом деритесь.

– Не видишь его?

– А ты сам?..

Мика включил свет:

– У нас совершенно нет времени на драку. Столько всего надо обсудить.

Как раз в эту минуту он увидел Мелиссу. Он подошел и взял ее. Внимательно посмотрел ей в глаза. Потом погладил ее руки:

– Обиделась, да?.. Наверное, обиделась. Прости... Я так переживал за Зенджи, Аида, что даже забыл взять тебя с собой. А ты знаешь, что случилось? Зенджи отрезали ногу. Ту ногу, которую сломала цыганка. Она у нее сгнила. Если бы не отрезали, Зенджи могла умереть. Почему так смотришь? Не веришь? Сам видел собственными глазами. Мы оставили ее у ворот больницы и спрятались. Что еще могли делать? Нас бы всех забрали и увезли как беспризорных. Не прошло и пяти минут, как поднялась такая шумиха. Зенджи прямо на носилках унесли внутрь. Потом я, крадучись, пробрался под окна кабинета врача и подслушал весь их разговор. Первое же решение было: отрезать. Если не резать, то в скором времени выйдут из строя все органы. Ее унесли в операционную... Вот такие дела, Мелисса... Зенджи тоже ожидает участь Хала.

Мика плакал. И Мелисса тоже. Драчуны притихли. Вся комната огласилась громкими рыданиями Лары и Нико.

Вдруг неожиданно закричал Камо:

– Эй, помолчите, посмотрите-ка туда.

Все обернулись в ту сторону, куда указывал Камо, то есть в сторону перевернутого кресла. Они не поверили своим глазам. Подошли поближе. Каждый старался, толкая другого, пройти вперед. Перед ними предстала завораживающая картина.

– Смотри, смотри, золото...

– Откуда они появились?

– Чьи они?

– Чьи же еще, как не цыганки?

– Получается, деньги забрала, а про золото забыла. Сколько же у нее золота?!

Откуда она его взяла?

– Как откуда? Это все собранные нами деньги... Мы же каждый вечер сдавали ей собранные деньги...

– Этим золотом мы можем стать очень счастливыми... Это все накоплено нашим трудом. Честно заработанное нами золото...

После этих слов Камо все замолчали... Потом каждый заговорил о своей мечте:

– Купим квартиру в больших домах.

Глаза Лары засветились:

– Да, да, в домах с лифтом...

– Конечно. В домах, где живут богачи.

Нико тоже поделился своей мечтой:

– И машину купим. Черного цвета. Большую машину. Кто будет водить машину?

– Конечно, я, – выступил вперед Рыжий. – Кто еще, кроме меня, может водить машину?

– Знай свое место! – разозлился Камо. – А мы что? Не калеки же! Будем водить по очереди.

– Вначале купим для Зенджи ногу, – слова Нико застали всех врасплох...

– Как, то есть, ногу для Зенджи?

– Ну так... Купим ей новую ногу – ногу-робота... Что, нельзя разве? Я слышала... Есть такие ноги. Они могут передвигаться. Ходят, бегают, даже в футбол играют. Как человеческая нога. Такую ногу не все могут купить. Только богатые. Теперь и мы богатые. У нас столько золота. Почему Зенджи должна остаться без ноги?!

По лицам ребят было видно, что все согласны с Нико. Это были дети, которые умели пожертвовать всеми своими мечтами ради одной ноги для Зенджи.

Вдруг с шумом и треском распахнулась дверь. Это был Тоту. Он нервничал и был взволнован, словно кто-то гнался за ним. Как только раздался голос Тоту, Лара тут же вскочила и уселась на груды золотых монет, прикрыв их по краям подолом платья. Тоту влетел прямо в комнату:

– Эй, ничтожества, что за собрание здесь устроили? Ну что? Что смотрите с таким ужасом? Может, призрак какой-то увидели? Ну-ка расступись? Освободите это кресло.

Ребята не сдвинулись с места. Тоту, взяв своими черными от грязи руками каждого за шею, отбросил в сторону. Лара изо всех сил ухватилась за кресло:

– Я не встану. Сижу себе. Что тебе надо?

Тоту, словно пораженный смелостью Лары, окинул ее внимательным взглядом:

– Слушай, ты, лилипутка, кому ты перечишь? Вот возьму сейчас и оторву твою большую башку, тогда будешь знать. – Тоту одним рывком отшвырнул Лару в сторону, надавав ей пинков. Увидев золото, он, не сдержав волнения, дрожащим голосом прошептал: – Ах, вот в чем дело, лилипутка... Теперь понятно, почему так упорно не хотела встать. Да, губа не дура! Я бы тоже не встал.

Мика сзади бросился на Тоту:

– Почему бьешь Лару?! А?..

Камо и Рыжий тоже осмелели. Набросившись на Тоту со всех сторон, они стали дубасить его руками и ногами... Но сильные и здоровые руки Тоту раскидали их, как букашек, в разные стороны. Не успокоившись на этом, он сорвал висевшую посередине комнаты веревку для сушки белья. Усадив всех ребят на полу, он скрутил им руки и связал веревкой.

– Вот так... Теперь будете сидеть спокойно. Маленькие мышки. Вы только и можете грызть мою обувь. Больше ни на что не годитесь...

Обезоружив ребят, Тоту опустил на колени. Взяв пригоршнями золотые монеты, он воскликнул:

– Ай да, цыганка... Какие сокровища накопила. Ай да молодец, старая ведьма. Всегда буду благодарен тебе. – Потом, обернувшись, посмотрел на сгрудившихся в углу ребят. – Вам тоже спасибо. Хорошо попрошайничали, как следует. – Тоту начал пихать золото в карманы. До последней монеты. Вскочив, устремился к дверям. Потом, что-то подумав, вновь вернулся. Вытащил из кармана горсть золота. Отобрав пять штук, остальные вновь опустил в карман. Оставшиеся в руке пять золотых монет он бросил в сторону сидевших в углу детей.

– Берите... Я не жадный. Каждому по золотой монете. Ешьте, кутите, веселитесь. Да, еще вот что. Живите своей жизнью. Цыганки больше нет... И не будет...

Тоту направился к дверям. Потом, вернувшись, подошел к месту, где сидела Мелисса. Склонив перед ней голову словно в поклоне, он произнес:

– Здравствуй, барышня. Простите меня, поздно заметил вас. Думаю, в этом золоте есть и ваша заслуга. Ну и что, что молчите. Но вы тоже уходили утром вместе с Микой и возвращались вечером. Я совестливый вор.

При этих словах он опустил руку в карман и вытащил оттуда одну золотую монету.

– Бери, это тебе, – сказал он. Потом, что-то подумав, он вытащил из кармана еще одну монету. – Знаешь что, я дам тебе две золотые монеты. Потому что ты не человек. Богатство не испортит тебя. И кармана нет. Куда же мне их положить? – взяв Мелиссу в руки, он начал осматривать ее. В том месте, где голова была пришита к телу, он нашел маленькую прореху. Просунув золотые монеты через эту прореху внутрь Мелиссы, он повернулся, собираясь уходить. Но вдруг остановился. Взяв Мелиссу в руки, он заглянул ей в глаза: – Не желаете ли пойти со мной, барышня? – Он громко рассмеялся. – Более богатого жениха, чем я, тебе не найти. Пошли... – Потом, глядя на сгрудившихся в углу ребят со связанными руками, он сказал: – Вы тоже не бойтесь. Не умрете с голоду, брошенные здесь со связанными руками. Я не затягивал узел. Чуть подергаетесь, и руки развяжутся.

Он взял Мелиссу и сунул в карман. Комната огласилась криком Мики:

– Не уноси, Тоту. Не уноси Аиду. Умоляю тебя...

Тоту не обратил внимания на Мику. Мика плакал и кричал, дёргаясь на месте. В это время дверь хлопнула.

Тоту бежал по приморскому бульвару. По аллеям прогуливались люди. Тоту то и дело с кем-то сталкивался, то, стараясь обойти прохожих стороной, спотыкался, но не сбавлял скорости. Золотые монеты в кармане его пиджака подскакивали и звенели, ударяя по лицу Мелиссы. Мелисса была печальна. Несмотря на то, что она лежала в кармане на целой куче золота, печаль теснила ее грудь. Почему Тоту забрал ее, где теперь она найдет Мику, почему Тоту сказал, что цыганки уже нет, живите своей жизнью? У нее было много вопросов. Но кому их задать? Она совсем не любила Тоту и никогда бы не поверила, что кто-то когда-то может полюбить его. Вообще Мелисса всегда делила людей на три группы: люди, которых любят, которых когда-то полюбят и которых никогда не полюбят. Не знаю, смогла ли я в точности донести до вас мысли Мелиссы или нет... то есть для Мелиссы Тоту был из тех, кого никогда не полюбят. Мелисса даже страстно желала, чтобы Тоту никогда не вынимал ее из кармана. Она согласна была вот так лежать на этих желтых кругляшках – металлических монетах без свежего воздуха, не любуясь ни цветами, ни птичками, лишь бы не видеть лица Тоту. Но все случилось не так, как она хотела. Тоту вытащил ее из кармана. Когда, утомившись и обессилев от бега, задыхаясь, он остановился передохнуть и перевести дух, то тут же сунул руку в карман и вытащил Мелиссу. Поднеся ее к своему лицу, он вытер ею стекающие с лица и из носа пот и сопلي... От ужаса у Мелиссы вытаращились глаза. Но Тоту, не обращая никакого внимания на ее состояние, вновь поднес ее к носу. На этот раз, сильно сдавливая ее спинку двумя пальцами, он изо всех сил высморкался и сказал:

– Тьфу... От тебя пахнет пылью. Не годишься для сморканий, – потом он стал мять ее пальцами. – Хотя очень мягкая. Совсем мягкая. Можно использовать для других целей. Например, вместо подстилки.

С этими словами он положил Мелиссу на скамейку под деревьями и уселся... Да, да, мой друг, ты правильно понял. Уселся на Мелиссу. Мелисса погрузилась во мрак. Вонь и духота стеснили ей грудь. Тоту вытащил из кармана пачку сигарет, зажег последнюю оставшуюся в ней сигарету и начал пускать дым в воздух, разговаривая сам с собой:

– Если это и есть счастье, то получается, сейчас я счастлив. У меня столько денег и золота... А цыганка, ясное дело... Ее больше нет... Собирала, собирала и ушла, оставив все мне... Правда, ушла-то она не по собственному желанию. Я ей

помог в этом... Ха-ха-ха... Думала, я ее очень люблю. Дуреха. А я выжидал, когда она много денег и золота накопит. И вот в один прекрасный день придумал одну уловку, вот и попалась в ловушку. А потом один удар по голове... и конец. Убралась ко всем чертям. Прямо в ад. И деньги достались мне... Теперь я стал миллионером... Миллионер...

Тоту поднялся. Бросил еще дымящийся окурок на асфальт и пошел своей дорогой. Он даже и не вспомнил о существовании Мелиссы. Зато раскрыл одну страшную тайну. Он сообщил о том, что цыганки уже нет в живых... Вот такие дела... Оказывается, Тоту – убийца... Мелисса еще долго не могла поднять голову с камня, на котором лежала. Чем больше думала, тем страшнее ей становилось. Вот уже сколько времени она жила в одном доме вместе с убийцей...

Мелисса провела всю ночь на скамейке. После Тоту сюда садился только один человек. Мужчина с широкополой шляпой на голове. Вначале он не обратил на нее внимания. Широко разведя руки, уперся ими в края скамейки. Втянул морской воздух в легкие. Задремал. Потом, взяв в руки висевший на шее фотоаппарат, сделал несколько снимков. Вдруг неожиданно он заметил Мелиссу. С интересом стал разглядывать ее:

– Кажется, тебя здесь забыли?! Ну, что ж. Подыши полной грудью воздухом. Но только имей в виду, что люди ненадежны. На них полагаться нельзя. Может, и вовсе не придут за тобой. По лицу видно, что жизнь не очень баловала тебя. Что поделаешь, каждый живет, как может. Вот видишь этот фотоаппарат? Знаешь, сколько человеческих изображений в его памяти: старых-молодых, женщин-мужчин, толстых-худых, высоких-низкорослых, умных-глупых, больных-здоровых, счастливых-несчастливых... Каждый из них – целый мир. У каждого своя правда, своя ложь.. Поймай, сейчас я сфотографирую и тебя. Не стану врать, таких, как ты, не было... Совсем не было...

Мужчина направил объектив фотоаппарата в ее сторону. Сделал несколько снимков. Потом посмотрел на снятые изображения. Пробормотал про себя: «Хмм... отлично. Такого снимка у меня точно не было. На фотовыставке так и напишу – «Забытая кукла». Потом встал, собираясь уходить. Уходя, поднял и усадил Мелиссу:

– Вот и все добро, которое я мог для тебя сделать, милая. Прощай... – бросил он напоследок.

Шум от мчавшихся на большой скорости машин постепенно начал утихать. На небе появилась луна. Звезды рассеялись по небосклону. Корабли следом друг за другом начали причаливать к пристани. Мелисса с интересом смотрела на корабли. Два белых корабля стояли бок о бок. У одного из них на борту были изображены черно-белые клавиши, как на пианино. «Интересно, почему корабль украсили такими клавишами пианино?» – подумала Мелисса. Но ответа не нашла. В этой жизни было столько вопросов, на которые она не находила ответа. На этих белых кораблях люди не спали. Они работали, двигались, о чем-то говорили. Мелисса опечалилась. Ей так хотелось на одном из этих белых кораблей, бороздящих океаны, уплыть далеко-далеко отсюда, вновь оказаться в той самой мастерской, полной всяких кукол, кусков ткани, разноцветных ниток и булавок, рядом с той старой кукольщицей, которая, тихо напевая песенку, создала ее. Вновь почувствовать на своем лице, шее, голове нежное прикосновение ее рук, целыми днями беззаботно спать, жить рядом с ней, подальше от всех опасностей и тревог, радоваться жизни. Мелисса плакала... Да, да, правильно слышишь. Она плакала. Эта одинокая кукла, беззвучно плачущая на берегу тихого, синего моря, все думала и думала о том, какие сюрпризы готовит ей наступающее утро...

– Ты на нее смотри, ах, ты душенька, Малышка. Кто тебя здесь оставил? А? Ой, да ты вся пропиталась морской сыростью... Холодная, как лед.

Мелисса проснулась на шум. Это была добрая женщина средних лет. Поставив метлу и совок у скамейки, она присела рядом с Мелиссой. Стала нежно гладить ее:

– Чья же ты, кукла, а? Кто тебя здесь оставил? Что мне теперь делать, не могу я оставить тебя здесь одну. И забрать не могу. Вдруг хозяин вернется за тобой. Не найдет на этом месте и расстроится... Да, Малышка?!

Женщина встала. Хотела уйти. Потом вернулась.

– Посиди пока здесь. Согреешься немного на солнце. Высохнешь, – заглядывая в глаза Мелиссе, сказала она. – С вечера вся пропиталась сыростью. Я займусь своими делами. Вернусь, когда буду уходить домой. Если твой хозяин не заберет тебя, я возьму к себе домой в деревню. Останешься у нас. Ладно?

Забрав метлу и совок, женщина удалилась. До самого вечера Мелисса с нетерпением ждала её возвращения...

... Женщина, как и обещала, вернулась перед уходом домой. Увидев ее, Мелисса очень обрадовалась. Может быть, она никогда так не радовалась. Кажется, женщина тоже была рада тому, что хозяин Мелиссы так и не появился. Она взяла Мелиссу, привела ее в порядок, потом уложила в целлофановый кулек.

– Что делать, – прошептала она чуть слышно. – Как мне оставить тебя здесь одну? Что с того, что кукла, все равно одиночество – плохая вещь. Я тебя заберу в такую семью, что сама поразишься. В семью, где полно детворы, где есть бабушка и дедушка... Будешь жить хоть и в бедной семье, но в окружении добрых, отзывчивых людей. Не беспокойся, свой хлеб мы зарабатываем честным трудом.

Мелисса успокоилась. Это спокойствие говорило ей об избавлении от пережитых ею за все эти месяцы жизненных невзгод...

– Меня зовут Семен, – добавила женщина. – Будешь звать меня Семен хала. Мое имя, может быть, единственное в этих краях. Знаешь, что означает «семен»? Это название цветка, похожего на тюльпан. Но мельче тюльпана и светло-оранжевого цвета. Может, многие и не знают названия этого цветка. Это имя мне дал мой покойный дед. И я полюбила свое имя. Только раз в жизни мне довелось увидеть этот цветок. Его мне показал дедушка. Мы ездили в селение Хыналыг. Он рос на отвесных скалах вдоль дороги, ведущей в горы. На каменистой скале. Он мелко дрожал. Я так и запомнила его. Дрожащий нежный цветок. Судьба моя тоже оказалась похожей на это имя. Жила словно среди каменистых скал, пробираясь через трудности и невзгоды жизни. Работала денно и ночью, не разгибая спины. Хваталась за любую работу. Мне не суждено было жить во дворцах, усталых шелковыми коврами. Но я никогда не унывала. Была довольна жизнью. Дарила свою любовь окружающим. Вот, имею чудесных детей, скромное, теплое гнездо – свой дом. Что еще нужно человеку в этом мире. Разве не так?

Мелисса спокойно слушала Семен халу. Ей вспомнилась злая и самодовольная хозяйка Хала. Ну и что с того, что она кукла. Может быть, никто бы так, как Мелисса, не понял бы той разницы между этими двумя женщинами...

Мелисса, лежа ничком в целлофановом кульке, глубоко вздохнула, с нетерпением ожидая встречи с семьей, куда она направлялась...

Они ехали довольно долго. Ровные асфальтовые улицы города сменились кривыми переулками, узкими улочками. Дома стали более приземистые и неказистые, на улице все реже появлялись мчавшиеся на большой скорости автомобили. Не видно

было магазинов с украшенными разнообразными рекламами витринами.

На одной из очередных остановок Семен хала сошла с автобуса. Миновали несколько ворот. Наконец, остановились перед железными воротами, выкрашенными в голубой цвет. Ворота были открыты. Вошли во двор. Это был небольшой, утопающий в зелени, чистенький и пестрый дворик. Алычовое и персиковое деревья уже зацвели. Дворик был наполнен благоуханием розовых, белых, светло-розовых цветков. Первое, что попало на глаза Мелиссе, была собачья конура в углу дворика. Хозяйкой конуры была сердитая собака темно-коричневой масти и с блестящими глазами. При виде Семен халы она раз-другой твякнула, запрыгала... Но Мелисса сразу поняла, что это было просто-напросто «приветствие». Семен хала громко засмеялась:

– Ну что, проголодалась? Азиза не дала тебе поесть?

Услышав родной голос, собака завизжала от радости. Звеня цепью, запрыгала. Потерлась головой о ноги Семен халы...

На голос из дома следом друг за другом выбежали трое детей:

– Мама пришла... – весь дворик огласился их голосами.

Женщина расцеловала каждого по очереди, приласкала, нежно погладила их. Заданный ею вопрос удивил Мелиссу:

– Кто кого обижал?

– Никто никого не обижал, – размахивая своими косичками, начала отчитываться Азиза. – После обеда Фарид и Ада легли спать. Только что проснулись.

Фариду было примерно семь лет. Он старался вести себя серьезно. Ему не понравилось, что его имя назвали вместе с младшей сестрой. Выходит, что только Азиза здесь взрослая. А Фарид? Он тут же выразил свой протест:

– Ада спала, а я нет. Играл под одеялом.

Ада была пухленькой, как мячик, девочкой. Ее полное имя было Ирада. Когда она только-только начала говорить, то на вопрос: «Кто бабушкина принцесса?» отвечала «Ада». И с того времени все в доме стали звать ее Адой. Собранные с обеих сторон на ее голове хвостики были похожи на антенну. Видно было, что она только что проснулась. То и дело терла глаза.

– Ада спит. Она знает, что если будет спать, то быстрее вырастет и будет умной девочкой.

Ада широко раскрыла свои сонные глазки. Она прижалась к ногам матери.

– Мамочка, ты мне что купила? – тихо спросила она.

Женщина вспомнила о Мелиссе лишь после вопроса Ады:

– Айй... Надо же, совсем забыла. Ведь у нас гостья.

Она вытащила Мелиссу из целлофанового кулька. Дети обступили Мелиссу со всех сторон:

– Какая красивая... И волосы розовые.

– Я такую не видела...

– Я тоже...

Говорили Фарид и Азиза. Ада, не произнеся ни слова, внимательно взидала на Мелиссу. Потом, собравшись с мыслями, она произнесла:

– Мамочка... Разве у девочек бывают розовые волосы?

Семен хала засмеялась:

– Нет, у девочек не бывают, а у кукол такие волосы бывают.

Ада захотела взять Мелиссу на руки. Мелисса чуть не закричала: «Не прикасайся, я грязная». Ведь Тоту вытер ею свое потное и сопливое лицо.

Как хорошо, что Семен хала догадалась. Чтобы не огорчать Мелиссу, она тихо сказала:

– Ада, наша гостья с дороги, она устала. Пусть отдохнет, умоется, а потом поиграет.

Ада согласилась. Но она не могла оторвать глаз от Мелиссы.

Семен хала хорошо понимала, что у Ады не хватит терпения долго ждать. И поэтому первым делом она начала приводить в порядок Мелиссу. Она хорошенько купала ее шампунем прямо во дворе под краном, потом высушила, пригладила ее волосы.

– Ну вот, Малышка теперь чистенькая, – сказала она, обращаясь к Аде. – Но ей нужно немножко согреться на солнце. Она промокла. Должна высохнуть.

Мелиссу уложили в сетчатую корзинку и повесили на веревке. Легкий ветерок раскачивал её. Сдуваемые ветром лепестки белых, розовых цветов сыпались на ее голову. Постепенно она становилась все легче, вода, которой было пропитано ее тело, стала испаряться.

– Эй, Семен, дочка... Почему этот ребенок сидит, уставившись на веревку? Уже стемнело. Иди заberi ее отсюда.

Услышав голос бабушки, Семен вышла на веранду. При виде Ады, которая, сидя во дворе, неотрывно смотрела на веревку, она громко рассмеялась:

– Пустяки, мам. Я нашла для Ады куклу. Вымыла и повесила ее сушиться. Вот она сидит и ждет, когда та высохнет.

Бабушка приблизилась к веревке:

– Глаза плохо видят. А я думаю, что это с ребенком. – Она внимательно посмотрела на Мелиссу, раскачивающуюся в сетчатой корзинке. – Ой, боже мой. У нее же красные волосы...

– Не красные, а розовые, – Ада поправила бабушку.

– Какая разница, детка, главное то, что она не из наших.

Бабушка правильно догадалась. Мелисса приехала из далеких краев. Кто знает, может, там у девочек волосы и в самом деле розового цвета?

Все собрались за ужином. Вся семья плюс Мелисса. Это была чудесная картина. Во главе стола восседал дедушка – толстый мужчина с пышными усами. Лицо его было добродушным. Вообще-то в этой семье не было злых и сердитых.

Позже Мелисса, глядя на них, думала: «Как случилось, что в такие тяжелые времена эти люди сумели сохранить в своей душе такую красоту?»

Рядом с дедом сидела бабушка, после нее – отец, рядом с ним – Семен хала, потом Азиза, Фарид, Ада и Мелисса... Вкусный запах еды распространился по всему дому. Дымящийся в тарелках суп возбуждал аппетит.

Молчание за столом прервал дедушка.

– Кхи-кхи-кхи... – засмеялся он хриплым голосом, потом добавил: – Сегодня в нашей семье прибавление. У нас появилась еще одна чудесная девочка.

– Вот она, – Ада подняла Мелиссу над головой. – Девочка с розовыми волосами...

– Добро пожаловать, – с улыбкой произнес и отец. – Думаю, что Аде было скучно и она нуждалась в такой подружке.

– И правда, скучала... – серьезным тоном произнесла Ада. – Фарид никогда не играл со мной. Ни разу.

– Потому что ты маленькая, да еще и девочка. Не умеешь водить машину, играть в футбол...

– Как будто бы ты умеешь водить машину? – рассердилась Ада. – И в футбол тоже не умеешь играть. Ты знаешь, сколько голов забила Азиза в твои ворота?

Если бы в их перепалку вмешалась и Азиза, то разговор затянулся бы надолго. Вот почему бабушке пришлось прервать их спор:

– Дети, а ведь у нас сегодня гостья. Успокойтесь. Ужин остывает...

... Мелисса почувствовала себя за этим, первым в этом доме, ужином несказанно счастливой.

В первую же ночь она позабыла обо всех горестях, пережитых ею в лачуге цыганки. Ада ни на минуту не выпускала ее из рук, пока не легла спать. Во что-то завернула ее, потом распеленала и вновь завернула, взяла гребешок и попыталась причесать ей волосы, но не получилось. Потом принесла несколько книжек. Стала что-то читать, развяснять ей. Своими маленькими пухленькими ручонками постаралась накормить Мелиссу едой, «сваренной» в игрушечной кастрюльке. Каждое действие этой маленькой девочки доставляло Мелиссе, пережившей множество страшных и опасных моментов в своей жизни, радость и умиротворение. Мелисса была главной героиней ее игр, куклой ее мечты.

Любовь, которую дарили ей добрые обитатели этого дома, напоминала этой розововолосой кукле дни, которые она прожила в доме у Зохраны. С тех пор прошло столько лет... Интересно, где сейчас находится Зохрана, чем занимается? Когда она, уставив свои большие черные глаза на Мелиссу, взяла ее на руки и унесла к себе домой, ей было столько же лет, что и Аде...

Самой чудесной традицией этого дома были ночные сказки. Каждую ночь... Мелисса с нетерпением ждала наступления ночи. Она лежала, обхваченная ручонками Ады, в полутемной тесной комнатке и с упоением слушала волшебные сказки, которые рассказывала бабушка своим тихим и мягким голосом. Во время сказки все слушали, затаив дыхание, не издавая ни звука. Даже Фарид. Фарид так увлекался сказкой, что даже забывал о своих бесконечных спорах ради доказательства чего-то, весь отдавшись загадочно-волшебному миру сказок.

В первую же ночь пребывания Мелиссы в этом доме Ада успела шепнуть ей:

– Ночью бабушка расскажет сказку. Будем вместе слушать.

Ночью все ложились спать, кроме детей, которые ждали бабушку. Открыв дверь, бабушка тихонько входила в комнату и в шутку спрашивала: «Кому сон снится, а кому не спится?» Каждый, добавляя свое имя, отвечал: «Все спят, а Азизе не спится», или же: «Все спят, а Фариду не спится». Ада отвечала дважды. Один раз: «...Малышке не спится», а другой раз: «Аде не спится». Бабушка, радуясь тому, что все ждали ее появления, с удовольствием приступала к новой сказке. Бывало и так, что на самом захватывающем месте сказки бабушка вдруг засыпала, и дети, чуть пождав, начинали со своих мест дружно тормошить и будить ее. Два-три раза в день бабушка месила тесто в большом медном тазу, потом разжигала находившийся во дворе тендир и лепила в нем лепешки. Лепешки получались румяные, блестящие. Аромат от хлеба распространялся по всему двору. Дедушка забирал и увозил лепешки на продажу. Таким путем они зарабатывали себе на хлеб. Эти два трудолюбивых старика ни минуты не сидели без дела. Вот почему бабушка бывала усталой, и порой сказки прерывались на самом интересном месте... Войдя в комнату, бабушка тут же приступила к сказке.

Сказка про Солнце и волшебный платок

Давным-давно на свете был один город. В этом городе дни бывали короткими, а ночи очень длинными. Людям никак не хватало времени на работу, а в темные долгие ночи мучились до утра от бессонницы.

Однажды царь города отдал такой приказ:

«Внимание, внимание! К сведению всех уверенных в себе смельчаков. Народ страдает от коротких дней и длинных ночей. Страна охвачена голодом и нищетой. Вся надежда только на это. Кто-то должен пойти и найти Солнце и поговорить с ним. Он должен убедить его в том, чтобы в этой стране дни стали длиннее, а ночи – короче. Кто это сумеет сделать, я выдам за него свою дочь и передам ему свой престол».

Все молодые люди страны переполошились. Кто-то, подпоясавшись, бросился в бой, кто-то, скача на коне, поднимал его на дыбы, другие, натянув тетива, метили в мишень. Каждый стремился убедить окружающих в своей силе и ловкости. Но дело было не в этом. Сильным будет считаться лишь тот, кто сможет пойти и поговорить с Солнцем...

Спустя несколько дней после указа царя царская дочь – писаная красавица, вся иссохла и пожелтела от слез, подобно опавшим осенним листьям. Ведь у нее был свой возлюбленный, юноша, которого она любила, и если бы кто-то пошел и нашел Солнце и, поговорив с ним, подарил стране длинные дни и короткие ночи, то она должна была бы выйти за того замуж. Она несколько раз, заливаясь слезами, умоляла отца, чтобы тот убрал из предложения «выдам дочь за него и передам ему свой престол» в изданном им указе слово «дочь». Но царь отказывался:

– Зачем же ты, доченька, заставляешь меня изменить свой указ? Ведь ты все равно за кого-то должна выйти замуж. Почему же этим кто-то должен быть не тот, кто подарит стране Солнце, а другой человек? Если я уберу слово «дочь» из своего указа, то лишусь всех своих богатств, моя казна окажется в чужих руках. Лучше ты перестань упорствовать, плакать. Моли Всевышнего, чтобы поскорее наступил день, когда появится тот отважный смельчак, который принесет стране Солнце...

– Нет, отец, нет, я не смогу это сделать...

– В таком случае прости, дочь моя, но я тоже отказываю тебе в твоей просьбе, моя дорогая...

Выдавший виды царь не стал спрашивать дочь о причине ее печали, разъядавшей ее душу... Дочь тоже не призналась ему. Все ночи напролет она проливали слезы, горевала. Как же она могла сказать отцу, что безумно влюблена в сына водовоза Мурада. Разве отец простил бы ее? Никогда...

Многие уверенные в себе юноши этой страны, мечтая заполучить царевну и завладеть престолом, отправились на поиски Солнца, став добычей зверей и бесследно исчезнув в далеких краях. Пока что ни один из ушедших не вернулся с хорошей вестью. В один прекрасный день в окно спальни принцессы постучали. Девушка тут же бросилась к окну. Это был Мурад:

– Я ухожу, любимая. Береги себя. Знай, что, пока не найду Солнце, не вернусь назад. Или умру, или добыю тебя.

Принцесса залилась горькими слезами. Она хорошо понимала, что оттуда, куда направляется ее возлюбленный, обратной дороги нет. Наконец, собравшись с силами, она промолвила:

– Иди, Мурад. Ради нашей любви. Я верю, что ты доставишь свет в нашу страну...

Мурад попросил подарить ему что-то на память. Девушка отдала ему свой платок со словами:

– Пусть этот платок будет твоим парусом в жару, одеялом в холод, избавителем от беды, опорой в трудную минуту. Пусть проложит тебе дорогу, ведущую к Солнцу, придаст силу твоим рукам...

При этих словах из глаз девушки хлынули слезы, которые, стекая, падали на платок. И неожиданно для них платок стал волшебным...

Приложив платок к сердцу, Мурад двинулся в путь. Он шел и шел по бесконечным дорогам... В тот день, когда Мурад попал под внезапный ливень, он не поверил своим глазам. Произошло чудо.

Платок царевны взмыл в небо и раскрылся над головой Мурада, как зонтик... На Мурада не упала ни одна капля дождя... Потом небо прояснилось. Лучи солнца за-сверкали, как алмазы... Платок упал на землю. Он расстелился на лужайке перед Мурадом в виде скатерти. В один миг скатерть была уставлена всякими блюдами...

Таким образом платок оберегал Мурада от всех бед. При наступлении холодов превращался в теплый тулуп, в жару раскрывался над его головой в виде зонтика. Как бальзамом покрывал его раны. Одно чудо сменялось другим...

Но одно событие сильно расстроило Мурада. Леса превратились в джунгли, преградив ему дорогу. Мурад денно и ночью трудился. Он рубил деревья, кустарники, прокладывая себе дорогу. Таскал камни, прочищая свой путь. Из-под каждого камня выползала гремучая змея. Но Мурад не отступил. И однажды утром подул слабый ветерок... Шумели и колыхались леса, подобно морю, на полях светились налитые колосья. Неожиданно Мурад почувствовал себя легким, как перышко... Открыв глаза, увидел, что находится в воздухе. Он летел на платке как на волшебном ковре. Они летели в сторону Солнца... Это было необычное путешествие среди белоснежных облаков. На своем пути к Солнцу их бросало то в жар, то в холод. Стремительно пролетая между различными планетами, сталкивались с небесными телами. Они падали то под снег и град, то на них оседала роса. Когда проходили через семь цветов радуги, перед ними возник поток белого света. Следуя за этим световым потоком, платок начал реять в небе. Постепенно поток света увеличивался. Потом вместе со светом усилилась и жара. Стало невыносимо жарко. Мурад почувствовал, что от сильного яркого света у него темнеет в глазах, начинает терять сознание. Как раз в этот момент платок начал развеиваться еще сильнее... По телу Мурада пробежала прохлада. Потом края платка начали сворачиваться. Обхватив Мурада со всех сторон, он начал охлаждаться, потом затвердел и превратился в лед. Находясь внутри этого ледяного платка, Мурад полетел прямо к Солнцу. Самым удивительным было то, что за это время лед не растаял, а Мурад не почувствовал солнечного жара. Лишь ощутил в своем теле небольшое тепло. Он уловил запах весеннего ливня. Потом платок наполнился дождем. Мурад внимательно посмотрел на дождь. С неба падало расплавленное золото. Разлетающиеся по небу сверкающие крупинки падали на платок. Мурад уже по горло был зарыт внутри золота... Еще чуть-чуть, и он мог задохнуться. Он начал кричать, размахивать руками... Крик Мурада был услышан Солнцем. Оно несколько раз распустило и вновь собрало обратно свои лучи.

Потом появилась одна пери. Словно родилась из крупинки падающего золотого дождя.

– Миллионы лет никто не приближался к Солнцу так близко, как ты, – сказала пери Мураду. – Стоило кому-то приблизиться, как жар Солнца испепелял его. Но ты пришел. Тебя уберегла большая любовь царской дочери. Иди, Мурад, после этого твоя страна превратится в край длинных и солнечных дней... А собранные в платке крупинки золотого дождя – это подарок тебе от Солнца.

В один миг пери исчезла. Мурад еще долго смотрел вслед ей, рожденной из золотого дождя... Потом он вернулся в свою страну. Теперь он был богаче всех царей на свете. А самым большим богатством была любовь царевны...

Дети уже спали. Бабушка всех по очереди укрывала. Взглянув на Мелиссу, лежавшую на руках у Ады, она улыбнулась:

– Ты еще не спишь?

Мелисса хотела поблагодарить бабушку. Сказка, рассказанная ею этой ночью, доказала Мелиссе одну истину: обретение любовью бессмертия. За то, что, пройдя через все испытания и трудности, ей удалось выстоять и выжить, она была обязана своей большой любви в душе к людям.

Папа был болен... В доме все были расстроены. Требовалась срочная операция на сердце. Но денег на операцию не было. Даже сложив все имевшиеся в доме деньги, их все равно не хватало. В придачу надо было оставить деньги и на пропитание семьи... Бабушка с дедушкой делали все, что было в их силах. Теперь уже тендир разжигался пять раз в день, все испеченные лепешки продавались. Но все равно собрать необходимую сумму не получалось. Состояние отца становилось все хуже. Он стал трудно дышать, ничего не мог делать. Вот уже сколько дней как его мотоцикл с фургоном, которым он управлял, не трогался с места. Ада каждый день, взяв Мелиссу на руки, подходила к мотоциклу и, открывая его тяжелые дверцы, говорила:

– Скучаешь, да? Не бойся, мой папа выздоровеет. И потом он снова каждый день будет садиться на тебя и уезжать...

Когда Мелисса слушала этот разговор, у нее болело сердце за Аду. Как она могла помочь ей? Мелисса была просто-напросто куклой. Она не могла ни работать нигде, ни зарабатывать деньги. Чем же она могла помочь Аде, кроме как сильнее прижаться к ней. Но, оказывается, в действительности все было не так. Мелисса очень здорово смогла помочь Аде, вернее, этой семье. Она и сама поразилась тому, что она сделала. Это было так неожиданно...

Ада, взяв Мелиссу на руки, расхаживала по дому, разговаривая с ней:

– Малышка, я уже выросла. На следующий год пойду в школу. Тогда с кем я тебя оставлю? Значит, что ты должна сделать, Малышка? Ну-ка, скажи. А, не знаешь. Ты должна пойти в детский сад. И поэтому мы должны получить для тебя справку о здоровье. Все врачи должны обследовать тебя и сказать: «Эта кукла совершенно здорова и может ходить в детский сад».

Ада водила ее по комнатам и проводила врачебное обследование. В этих комнатах она сама и была врачом. В одной из комнат становилась хирургом:

– Входи, входи. Какая ты хорошая девочка. Как тебя зовут? Малышка... Ой какое красивое имя... Теперь стой ровно, проверим, не искривлен ли позвоночник. Не-е-е... Все хорошо. Ровный. А ноги? Дай проверю ступни твоих ног. Вот спасибо, дочка. И плоскостопия нет... Ты можешь ходить в детский сад.

В другой комнате становилась врачом-окулистом:

– У тебя очень красивые глаза, Малышка. Внимательно посмотри на висящую на стене доску. Что ты видишь там? В первом ряду.

Потом вместо Мелиссы сама слабеньким голосом отвечала:

– Звезду, цветок, жука...

– Вот молодец. Правильно. Можешь ходить в детский сад. Ты здорова.

В комнате зубного врача Ада пугалась самой себя:

– Смотри, Малышка. Посмотри, какие зубы у доктора. Видишь, ни один из них не почернел. Видишь, Малышка, какие у доктора здоровые зубы. А теперь, Малышка, ты открой рот, я посмотрю. Пошире открой, еще шире. Скажи а-а-а-а... Хорошо ухаживай за зубами, Малышка. Мне кажется, ты не чистишь зубы зубной щеткой. Правду говорю, не так ли?..

Потом они вошли в кабинет терапевта. Уложив Мелиссу, Ада приложила к ее груди конец вдетого в уши шнура и начала внимательно слушать:

– Сделай вдох. Теперь не дыши. Сделай выдох. Вот так... в груди какой-то шелест. Простудилась.

Потом она приставила конец шнура в руке к другому месту на груди. В этом месте что-то стучнуло. Мелисса и сама это почувствовала.

Из-за шума в ее груди Ада решила отвести ее на рентген. По замыслу Ады, рентгена в комнате не было. Но, судя по фантазии Ады, она предполагала, что он должен быть.

– У тебя в груди что-то стучит, Малышка. Это может быть очень опасно. Поэтому ты обязательно должна пройти рентген. Когда мне делали манту, рука немного распухла. Мама отвела меня на рентген. А я твоя мама. Да, Малышка? – не дождав-шись ответа Мелиссы, она продолжила: – Теперь я тоже отведу тебя на рентген.

Ада забрала Мелиссу и вышла во двор. Она была взволнована. Что же так стучало в груди Мелиссы? «Лишь бы она не заболела», – так размышляя, она вышла во двор. Солнце обжигало своими лучами. Обычно весной бывало прохладно, но сегодня во дворе было удивительно жарко. Она встала прямо посередине двора, примерно определив место, куда больше всего падали солнечные лучи.

– Ну, вот, Малышка, это и есть рентген. Я буду осматривать тебя под лучами солнца. Ты будешь просвечивать насквозь.

Она подняла Мелиссу вверх. Держа ее на солнце, прищурила глаза. Внимательно посмотрела. И действительно, в груди у Мелиссы просматривались два круглых темных пятна. Опустив Мелиссу, она сдавила пальцами то место, где обнаружила два темных пятна:

– Бедненькая ты моя... Болит? Сильно болит, да, Малышка?

Мелисса, естественно, ничего не ответила. Но от радости она готова была обрести крылья и улететь, как и в той сказке бабушки, прямо к Солнцу. Она вспомнила, что у нее было в груди, что означали эти два темных пятна. Это были золотые монеты. Те самые, которые Тоту запихнул ей в грудь через прореху на шее. Какое счастье! Мелисса, и сама того не зная, помогла этой семье. Эти две золотые монеты были как нельзя кстати для операции отца Ады.

На крик Ады выскочили и Азиза с Фаридом. Ада, подержав Мелиссу под солнечными лучами, показала им темные пятна на ее груди:

– Вот здесь. Видите? Фарид, не нажимай пальцем так сильно, ей же больно. Бедная Малышка.

Детей сильно взволновала судьба Мелиссы. Азиза, как старшая сестра, посчитала своим долгом решить эту проблему. Она предложила отнести и показать Мелиссу бабушке. И Ада согласилась.

Бабушка в это время сгребала в кучу угли на дне тендира, собираясь разжечь его. Увидев приближение детей, она замахала рукой:

– Не подходите. Тысячу раз говорила, не крутитесь вокруг тендира. Идите играйте в другом месте.

– Не сердись, бабушка, – Азиза постаралась объяснить бабушке, в чем дело. – Ада обнаружила в груди Малышки два темных пятна.

– Не поняла. Какие еще темные круглые пятна? – смягчилась бабушка.

– Да, бабушка, она правду говорит, – подтвердила слова сестры Ада. – Сама смотрела.

Бабушка подняла голову. Вытерев руки фартуком, забрала Мелиссу у Ады. Повертела в руках. Ничего не нашла.

– Бабушка, потрогай вот здесь, – Ада указала пальцем на одну точку на груди Малышки. – Но поосторожней, ей больно.

Бабушка сдавила между двумя пальцами то место, на которое указала Ада. И действительно, там что-то было. Что-то твердое:

– Да, ты права. Здесь что-то есть.

Дети были взволнованы. Взяв Мелиссу, бабушка подошла к стоявшему посреди двора железному столу, ножки которого уходили в землю. Она села:

– Азиза, детка, иди и принеси мне мои очки.

В очках ей стало все ясно. Вернее, бабушка решила, что у Мелиссы в груди застряли две медные копейки. Ее совершенно не интересовало, каким образом эти медяки оказались там. Просто она посоветовала оставить их там же. Чтобы никто их не трогал.

– Бог знает, с каких пор они там. Если до сих пор они не помешали Малышке, то пусть там и останутся.

Но Ада думала иначе:

– Нет, бабушка, прошу тебя, вытащи их оттуда. Очень прошу. Они будут причинять Малышке боль. Я точно знаю. Обязательно причинят боль.

У бабушки дел было невпроворот. К тому же все ее мысли были заняты операцией отца. Никакого желания заниматься этими копейками в груди Мелиссы у нее не было. Но ей также не хотелось видеть слез Ады. Она решила оставить все свои дела. Уж если эти копейки так беспокоят Аду, их надо вытащить. Фарид отправился за ножницами, а Азиза – за иглой и нитками. Ада ни на минуту не расставалась с Мелиссой, крепко держа ее в руках:

– Бабушка, я подержу ее, а ты будешь вытаскивать. Пусть она будет у меня на руках. Тогда ей не будет так больно. Ведь жалко ее.

Бабушка согласилась. Прямо на руках у Ады она чуть-чуть распоролла шов у шеи Мелиссы. Потом кончиком ножниц осторожно начала выталкивать монеты. Две золотые монеты, со звоном упав на стол, закатились... Все с удивлением уставились на упавшие монеты. Хотя дети не сразу поняли, что это такое, бабушка не могла поверить своим глазам. Взяв монеты, она повертела их в руке.

– Две десятирублевые золотые монеты... Наверное, это послал детям сам Всевышний... Чтобы спасти их отца...

Ада не знала, что и сказать. И не только Ада, но и бабушка, и Азиза, и даже Фарид, который любил болтать без умолку. Бабушка молча вдела нитку в иглоу. Осторожно зашила распоротые места у шеи Мелиссы. Она даже поцеловала Мелиссу в щеку, передавая ее Аде. Это был знак благодарности ей от всей семьи... В тот день в своей ночной сказке бабушка рассказывала о золотых монетах. Войдя в спальню к детям, бабушка, прежде чем приступить к сказке, обратилась к ним со словами:

– Дети, творить добро – это такое прекрасное чувство, которое не всем дано познать. Сегодня я еще раз убедилась, что каждый может совершить добро, будь то живое или неживое существо. В действительности Малышка – обыкновенная кукла. Но то добро, которое она совершила сегодня, в этой семье будут помнить долгие годы. Малышка спасла жизнь вашему отцу и сама обрела славную жизнь. Жизнь куклы, способной совершать добро. Этой ночью я буду рассказывать свою сказку в честь Малышки. Это японская сказка.

Все с волнением стали ждать сказки в честь Мелиссы. Наконец, бабушка своим тихим, мелодичным голосом приступила к сказке...

Дни пролетали так быстро... Золотые монеты Мелиссы стали настоящим спасением для семьи. Отец детей уже выздоровел. Он спокойно дышал, при ходьбе не страдал одышкой. Дети тоже были счастливы. Жизни отца уже не угрожала никакая опасность. С завтрашнего дня мотоцикл с фургоном опять заработает. Но пока что в его фургоне Ада играла в домики. И Мелиссу усадила в этом домике. Что-то готовила в своей маленькой пластмассовой кастрюльке, непрерывно помешивая, и, обращаясь к Мелиссе, говорила:

– Что, моя маленькая, проголодалась? Сейчас еда будет готова. Потерпи чуть-чуть. Ну, что, потерпишь?

Мелисса с интересом смотрела на еду, приготовленную Адой из травы, листьев и мелких камешек. И даже иногда чувствовала во рту ее вкус. Ада увлеченно хлопотала.

Бабушка по одному вытаскивала из тендира лепешки и, очистив их от гари, собирала в медный таз. Ада тоже то и дело что-то добавляла в еду:

– Может, добавить немного мяса? А, как ты думаешь, Мелисса, чтоб вкуснее было.

Вместо мяса Ада бросила в кастрюлю несколько камешков. Потом, будто пробуя на вкус, взяла ложку и поднесла ко рту:

– Отличный вкус. Ах, ах, ах. На, ты тоже попробуй. Вкусно, да?

Бабушка испекла все лепешки. Она вытряхнула тюфяк, на котором сидела, и скатерть из-под лепешек. Сложила и убрала. Забрав медный таз, двинулась домой. В это время Ада тоже объявила, что еда готова:

– Обед готов. Я накрыла стол. Пойду принесу немного хлеба.

Ада расставила тарелки. Ножи и вилки тоже были на месте. Не хватало только хлеба. Девочка прыгнула с фургона вниз. Башмаки на маленьких ножках разлетелись в разные стороны. Она быстро подобрала их и надела на ноги. Бегом направилась к дому. словно выжидая ее ухода, одна аистиха, прилетев откуда-то, села на край фургона. Сперва удивленно посмотрела на игрушки Ады: пластмассовые тарелки, ложки и вилки, кастрюлю, наполненную травой и камешками, разноцветные стеклышки, несколько книжек с картинками, цветные карандаши и Мелиссу... Аистиха смотрела на Мелиссу не отрывая глаз... Постояла, вытянув шею, чуть замялась в нерешительности и, внезапно схватив Мелиссу за розовые волосы, поднялась в воздух. Это произошло как раз в тот момент, когда Ада, держа в руке хлеб, бегом приближалась к фургону. Но Аистиха уже была в воздухе. Позади остались крики Ады: «Малышкааааа...» Но аисты не любят возвращать то, что присвоили. Аистиха находилась в небе. Но все еще слышала крики и рыдания Ады: «Малышкаааааа...»

Аистиха летела долго, делая время от времени остановки. Вначале она села на стог сена, положив Мелиссу на желтую сухую траву. Внимательно посмотрела на нее, переверачивая клювом в разные стороны. Потом вновь молча схватила ее за розовые волосы и поднялась в воздух. Находившиеся на земле люди и дома становились все меньше и меньше. Уже не слышно было и голоса Ады. Но Мелисса была уверена, что Ада все еще плачет. Ее никак не могут унять и успокоить. Но вместе с тем она не решалась обвинять в этом Аистиху. Наверное, каждый аист имел право на приобретение куклы для своих птенцов. Но, конечно же, не таким путем. Это было настоящим похищением. Ада покинула свой домик всего на несколько минут. Аистиха без спросу «напала» на ее домик и, взяв в свой клюв ее любимую Малышку, улетела. Но, с другой стороны, что оставалось делать Аистихе? Ведь не все живые существа так удачливы, как люди, ведь ни змея, ни лягушка, ни слон, ни кит или аист не могли, как люди, отправиться в магазин и сказать: «Барышня, будьте добры, дайте мне вот эту куклу с розовыми волосами. У моей дочки или сына нет куклы». Вот почему те, кто относит вопросы грабежа и воровства и к животным, должны быть несколько осторожны, чтобы не влезать в их права. Конечно же, это были лишь мысли Мелиссы. Но в данный момент Мелисса сильно скучала по Аде. Она представляла те счастливые минуты, когда они, сидя напротив друг друга, ели еду из той пластмассовой кастрюльки, и ей становилось грустно. Не знала, как быть, обвинять или не обвинять в этом Аистиху, которая утащила ее в своем клюве. Ведь и Семен хала тоже забрала ее для своих детишек. Аистиха тоже утащила ее для своих птенцов. Мелисса сравнивала этих двух матерей с матерями брошенных детей, живших в лачуге цыганки. Как случилось, что они не смогли полюбить своих детей подобно этой Аистихе? Мелисса много размышляла над этими вопросами. Ещё находясь в доме цыганки, она наблюдала за жизнью этих беспризорников, полной страданий и истязаний. Но впервые она думала об этом, находясь в воздухе, к тому же в клюве аиста...

Они летели довольно долго... Наконец, Аистиха покружила вокруг одного красивого дома. Она опустилась чуть ниже, потом, внезапно развив скорость, взмыла вверх. Полетела и опустилась в большое гнездо, свитое на высоком электрическом столбе. Гнездо было свито из нагроможденных друг на друга веток деревьев. Внутри гнездо было устлано травой, усеянной перьями. Наверное, чтобы гнездо было тёплым и мягким.

Птенцы Аистихи, завидев их, пришли в движение. Запищали, захлопали крыльшками. Аистиха положила Мелиссу в самую середину. Это означало, мол, «поиграйте все трое». Птенцы не обратили на Мелиссу особого внимания. Раскрыв свои клювы, они ждали еды от матери. Аистиха словно была несколько озадачена. Подхватив Мелиссу своим клювом, она вновь положила её посередине, словно объясняя им: «Детки, ну сколько можно есть, человеческие дети играют в куклы, так увлекаются книгами, занимаются чтением и письмом, что начинают управлять миром. Вы тоже займитесь этим...» После этих действий Аистихи её птенцы словно очнулись. Раскрыв крылья, они стали бить Мелиссу по шее, лицу. Потом начали клевать и толкать её. Наверное, это была манера игры аистят. Мать-аистиха, оставив птенцов за игрой, сама вновь улетела. На этот раз обязательно за пищей. Как только Аистиха улетела, из щелей гнезда выглянули разнообразные мелкие птицы. Они вышли из крохотных, с ладонь, гнёздышек. Воробьи, галки, скворцы... Мелисса была восхищена гостеприимством семейства аистов. Вытянув головы между аистятами, они клевали и щипали Мелиссу. Мелисса не знала, плакать ей или смеяться. Возможно, что в гнезде других птиц и можно было бы спокойно пожить. Но в гнезде аистов уж очень было шумно и много народу...

Мелисса проводила в гнезде аиста свою первую ночь. Было странное ощущение. Над её головой не было крыши, лишь тёмное небо, усеянное звездами. Светила луна. Больше ничего. Мелисса как будто начала любить такую жизнь. Но иногда её голову посещали такие мысли: «Птицы живут в домах без крыши, как уличные дети-беспризорники. Но у птиц хотя бы есть гнёзда, а у Мики и его друзей – только улицы. Холодные улицы без тепла и защиты...» Сравнивая жизнь Мики с друзьями и семьёй Ады, Мелисса хотела поблагодарить родителей, сумевших построить гнездо своим птенцам, хозяев этого гнезда – отца-аиста и мать-аистиху.

Слышны были голоса летучих мышей. То и дело мелькали их тени. Время от времени то отец-аист, то мать-аистиха, подняв голову, вскакивали с места, зорко уставив свои глаза в сторону шума. И только убедившись в отсутствие опасности, они вновь засыпали. А Мелисса не могла заснуть. Она с удовольствием созерцала небо и звёзды. На небе какая-то светящаяся точка летела на большой скорости. Внимательно приглядевшись, Мелисса поняла, что это самолёт. Она вспомнила тот день, когда прилетела на самолёте в эту страну. Честно говоря, она совсем не сожалеет об этом. Солнечная, тёплая страна. Доброжелательные и гостеприимные люди. Но она вновь вспомнила ту старую кукольщицу, её заботливые руки и мелодичный голос. И Мелисса заснула...

– Мама, мама, скорей, аист упал... Мама...

Мелисса открыла глаза. Голос шёл снизу. Это был детский голос. Он плакал и кричал.

– Мама, аист упал... Скорей. Кажется, его ток ударил...

В гнезде тоже все были встревожены. Мать-аистиха, махая крыльями, издавала странные звуки. Встревоженные птенцы, кидаясь из стороны в сторону в гнезде, старались прижаться к матери. Воробьи, галки, скворцы, стоя на разных этажах в гнезде, наперебой кричали.

Они перепрыгивали с прутика на прутик, не зная, как помочь этой доброй семье, приютившей их.

Внизу голосов стало больше. Кто-то встревоженно говорил:

– Не бойся, сынок, не бойся. Ничего не случится с аистом... Смотри, видишь, он жив... Не плачь, детка, я сейчас же доставлю его к доктору.

Этот голос показался Мелиссе настолько родным, что в порыве увидеть того, кому принадлежал этот голос, она чуть не выпрыгнула из гнезда. Кто же это был?

Внизу послышался шум мотора:

– Видишь, сынок, я взяла его. Сейчас положу в машину и доставлю к ветеринару. У птиц есть свой доктор. Ветеринар обязательно вылечит его... Обещаю тебе.

Машина выехала со двора. Мать-аистиха тоже, взмахнув крыльями, поднялась в воздух. Она начала летать над машиной. Мелисса всё ещё находилась под действием услышанного голоса. И вот это событие... Отец-аист прикоснулся к электрическому проводу. Но Мелисса была уверена, что птица выживет. Ей казалось, что жильцов этого гнезда должны миновать все беды, потому что они были очень милосердны. Приютили в своём гнезде столько птиц. Большая часть пищи, которую они приносили, доставалась приютившимся в этом гнезде птицам. За всё это добро обязательно должно быть вознаграждение. Тревожные минуты ожидания сменяли друг друга. Внизу разговаривали двое детей:

– Ты видел, когда упал аист?

– Да, я был во дворе. Вдруг увидел, как из проводов появилась искра. И аист камнем упал на землю. Мама говорит, что выживет.

– Может быть...

– Не говори так. Обязательно выживет. Наверное, у него там в гнезде остались птенцы.

– Возможно... Не знаю.

– Да, есть. Они целыми днями таскают в гнездо корм... Значит, там есть птенцы...

Потом послышался гул машины:

– Мама вернулась...

Голоса детей взволновали и Мелиссу. Птенцы аиста тоже пищали. Вновь послышался родной голос:

– Аист жив, сынок. Но он пережил травму, потому пока слаб. И ещё...

– Да, мамочка, что ещё?

– Он так сильно ударился о землю, что сломал себе ножку.

– Ножку? Мама...

– Что поделаешь. Главное, что он жив. И ветеринар оказал ему необходимую помощь. И мы тоже будем ухаживать за ним, чтобы поскорее выздоровел.

Стало тихо. Потом вновь послышался голос мальчика:

– Мама, можно попросить тебя об одной вещи?

– Конечно, можно, сынок.

– Мама, давай перенесём гнездо аиста в другое место. В безопасное место. Чтобы не жили под электрическими проводами...

Послышался голос матери, так взволновавший Мелиссу:

– Верно говоришь. Обязательно надо. Мы должны были сделать это уже давно. Тогда бы не случилось всего этого. Хорошо, сынок, завтра скажем отцу, чтобы он вызвал каменщика. Мы построим для них в безопасном месте во дворе башню и переселим гнездо на её крышу.

Они прошли в дом. Голоса прекратились. Мать-аистиха опустила в гнездо. Вытянула шею вперёд, и птенцы прижались к ней. Мелисса думала и гадала, кому мог принадлежать этот родной голос. Перед её глазами пронеслась вся её жизнь. Стала копаться в памяти. Вывод, к которому она пришла, заставил её содрогнуться.

И не будь она куклой, даже всплакнула бы. А может, и на самом деле всплакнула. Уж наверняка растрогалась до слез. И вытянутая вперед голова Аистихи припала к ее щеке. Мелисса забыла обо всем. Сейчас самое главное было позаботиться об этой семье, стать ей опорой. А это Мелисса умела лучше всех...

– Мама, мы сегодня будем переселять гнездо аиста?

– Да, сынок, вечером. После работы...

Мелисса услышала их разговор. Значит, этим вечером... Семейство аистов избавится от опасности. И Мелисса, наконец-то, увидит хозяйку этого голоса... Время как будто остановилось. День показался Мелиссе таким долгим. И не только Мелиссе, но и тому мальчику с девочкой, живущим в этом красивом доме.

– Что-то мама опаздывает...

– Не опаздывает. Они всегда приходят в это время... Мы же сейчас в ожидании... И поэтому нам кажется, что долго...

Папа с мамой вернулись. И не одни. Вслед за их машиной двигался большой подъемный кран. Желтый, величественный. Из подъемного крана вышли двое. На голове у них был шлем, и одеты они были в служебную спецодежду – комбинезон желтого, как и сам кран, цвета.

– Вы должны быть крайне осторожны. Мы должны сделать так, чтобы птицы поверили в доброжелательность наших намерений, не то они могут покинуть гнездо и улететь.

Папа с мамой подходили к нескольким крановщикам и, обратив внимание на их одежду, поведение, манеру разговора, примерно предположили, какое впечатление они могут произвести на птиц. Наконец, они посчитали приехавших с ними крановщиков подходящими для предстоящей работы. Приветливый, дружелюбный молодой человек и толстый мужчина средних лет с поседевшей раньше времени головой. Они поставили подъемный кран рядом с электрическим столбом. Кран поднялся вверх, остановившись прямо рядом с гнездом. Молодой человек находился внутри ковша крана. Толстяк управлял краном. Он действовал по указанию парня. Кран осторожно приблизился к гнезду. Парень вначале улыбнулся, потом, наклонившись головой вперед, вытянул руки в сторону гнезда. Аистихи в гнезде не было. Маленькие аистята и другие обитатели гнезда без умолку шумно галдели. Прежде чем снять со столба гнездо, парень должен был забрать птенцов и спустить их вниз. Остальные жильцы – воробьи, галки, скворцы – были чрезвычайно проворные и подвижные. Заметив парня, они тут же вспорхнули и разлетелись в разные стороны. В гнезде оставались три птенца и Мелисса. Парень осторожно, посвистывая, взял птенцов в руки и опустил их в корзину. Потом крикнул вниз:

– Здесь еще и кукла есть... – Там, внизу, его не услышали. – Эгеййй... Я с вами. Говорю, здесь еще и кукла есть. Брать или не брать?

– Что, кукла, говоришь? – удивились внизу.

Мальчик с девочкой оживились:

– Мама, что, у птиц тоже бывают куклы?

– Впервые слышу... – не смогла скрыть удивления мама. – Наверное, бывают. – и, задрав голову, сказала: – Бери, конечно же, бери. Забирай и куклу птиц.

Парень, посвистывая, забрал и Мелиссу. Повертев ее в руке, не удержался:

– Ну, спасибо вам, птицы. Хороший вкус у вас. Красивая куколка...

По знаку парня толстяк опустил ковш крана вниз. Все столпились у ковша. Первой, кто ахнул, была мама.

– Это ты... Кукла птиц... Моя милая Мелисса.

Мама плакала. Дети удивленно взирали на нее.

– Мама, мама, что с тобой, почему так плачешь?

– Мама, тебе жалко птиц, да? Ведь мы не разорили их гнезда. Просто перенесли в безопасное место.

Молодая женщина прижала Мелиссу к груди:

– Моя дорогая. Знаешь, сколько я тебя искала. Долго искала. В тот день шел дождь. Не дождь, а настоящий ливень, но я бродила по улицам. Везде искала тебя. Моя Мелисса... Но тебя нигде не было. Ты ушла...

Мелисса не ошиблась. Услышав в первый раз ее голос, она, несмотря на то, что прошло много лет, узнала Зохру. И теперь слезы Зохры падали ей на лицо, как и в детстве. Когда плакала, всегда прижимала Мелиссу к лицу, чтобы никто не видел ее слез. Слезы Зохры заливали лицо Мелиссы, как и сейчас. Все с удивлением смотрели на них. Дети, папа, молодой парень и мужчина-толстяк. Зохра не могла оторваться от Мелиссы:

– Не удивляйтесь, дети. Это Мелисса. Моя кукла. То есть кукла вашей мамы. Ее купил мне отец. В большом магазине со стеклянной витриной. Она лежала внутри железной сетчатой корзинки. Сама выбрала ее. А потом потеряла. В то время я была, как и вы, маленькой девочкой. И Мелисса была моей самой близкой подружкой...

Кран вновь направился в сторону гнезда на электрическом столбе. Теперь в ковше находились парень вместе с отцом детей. Они должны были так осторожно снять гнездо, чтобы из него не выпал ни один прутик. Осторожно. Нежно. С любовью...

Эпилог

Семейство аистов уже несколько дней жило по новому адресу. В безопасном месте, под наблюдением заботливых людей. Отец-аист тоже был с ними. Абсолютно здоровый. Сильный и гордый. Птенцы были счастливы. Гнездо огласилось их веселым щебетом. Целый день они своим щебетанием обсуждали какие-то важные для них вопросы. Кто-то из них в знак согласия пищал, кто-то в знак несогласия качал головой, взъерошив перья. Но к концу дня, кажется, они смогли прийти к общему решению. Мать-аистиха величественно встала. Как и в первый день появления Мелиссы в гнезде, Аистиха, схватив ее своим клювом за розовые волосы, подняла вверх. Потом стала подносить ее по очереди к каждому птенцу. Птенцы начали тереться об нее своими клювами. Мелисса поняла, что это прощание по-птичье. Самый маленький и чуть более хилый из птенцов, схватив своим клювом Мелиссу за розовые волосы, потянул ее к себе. Отец-аист, собираясь что-то сказать, начал раскрывать и закрывать свой клюв. Слабенький и хилый птенец согласился с ним и отпустил волосы Мелиссы. В последний раз он припал головой к ее лицу... Мать-аистиха, держа Мелиссу в клюве, поднялась в воздух...

Мама с папой вернулись с работы. Дети бегали по двору, помогая выносить вещи из машины. Это произошло в одно мгновение. Мать-аистиха закружила над их головами. Все начали следить за странным поведением Аистихи. Аистиха опустилась перед мамой. Она положила Мелиссу на землю и улетела... Зохра подняла Мелиссу. Она внимательно посмотрела вслед за улетающей Аистихой и чуть слышно прошептала:

– Спасибо тебе, Аистиха. Это для меня самый чудесный подарок на свете...